

—❧— ЛЕГЕНДЫ ЗАПАДНОГО ХОЛМА —❧—

16+

Грозовой Султрук

ЕЛЕНА САМОЙЛОВА

Елена Самойлова
Грозовой Сумрак

«ЛитРес: Самиздат»

2009

Самойлова Е. А.

Грозовой Сумрак / Е. А. Самойлова — «ЛитРес: Самиздат»,
2009

Это легенда, рассказанная ненастной осенней ночью у жарко горящего очага. Сказка для тех, кто уже вырос, но еще продолжает верить в малый народец, живущий под сводами Холма в подземной стране. О том, что не так уж и велика разница между волшебным существом, живой стихией и человеком, когда их ведет одна Дорога, и о том, как все-таки мало люди знают о «добрых феях»...

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	32
Глава 4	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Елена Самойлова

Грозовой Сумрак

*Автор выражает благодарность Льву Кругликову,
Всеволоду Мартыненко и Сергею Казакову
за помощь в «ловле блох» и поиске неточностей.
Отдельное спасибо Михаилу Черниковскому
за наглядные и познавательные консультации.*

Пролог

За широко распахнутым окном всю громыхала буря. Казалось, что море и небо поменялись местами, и перевернутый океан сплошным потоком льется сверху вниз в неизмеренную никем бездну. Ветвистые молнии то и дело прочерчивали яркими зигзагами суровое черно-фиолетовое небо. Бухта у подножия далеко выдающегося в океан мыса превратилась в бурлящий котлован, где волны неистово разбивались о камень. Раз за разом, да с таким грохотом, что казалось, будто бы они решили переспорить не утихающий в сошедших с ума небесах гром.

Замок, построенный на каменном обрыве, казался неотделимой частью этого берега – настолько он сросся со скалой, так тесно сплелись его подземные коридоры с сетью естественных пещер в теле мыса. Издалека причудливые башенки казались всего лишь странным нагромождением камней и деревьев на одинокой скале, и лишь приблизившись можно было различить покатые крыши и тонкие изящные флюгера на верхушках башен.

Когда-то этот замок был прекрасен – белокаменные стены сияли в солнечных лучах, подчеркивая глубокую синеву сурового океана и пронзительно-голубое небо, на котором изредка возникали стайки пушистых облаков. Вызолоченные шпили покачивались на ветру, когда тот дул с океана, принося с собой солоноватую свежесть морской воды и запах водорослей. В замке всегда обитало множество людей, но это было до тех пор, пока хозяйкой в него не пришла прекрасная фаэриэ.

Шли годы – белые стены потемнели и покрылись частой сетью трещин, которые, в свою очередь, довольно скоро заросли диким виноградом, стерлась позолота со сверкающих шпилей... Да и сам замок постепенно изменял свои очертания. Насколько медленно, что никто из живущих поблизости людей не мог этого осознать. Старики говорили, что во времена их детства он был чуточку пониже, а башенки со шпилями – наоборот, повыше. От прадедов слышали, что замок на берегу океана не всегда стоял так близко к обрыву, что когда-то он располагался почти в середине мыса, но кто же верит старым сказкам? Разве замки умеют ходить? И уж тем более – вряд ли они умеют расти, перестраиваться сами по себе.

Однако слишком многие позабыли о том, что живущая в замке фаэриэ, наделенная способностью преобразовывать предметы вокруг себя, уже давно перестроила свое жилище себе под стать. Более того – вдохнула в замок то, что знающие маги называли бы жизнью.

Но даже долго живущие фаэриэ не бессмертны, что бы ни думали о них люди. Прошли годы – и хозяйка покинула оживший благодаря ее присутствию замок. Никто так и не узнал, умерла ли она или же просто вернулась к своим родичам, которые рассеялись по лесам Приморской стороны после едва не грянувшей войны – просто однажды люди заметили, что сад вокруг замка начал чахнуть и увядать, а ворота оказались наглухо закрытыми.

Замок не впускал людей, да и они не особенно стремились проникнуть в тайны бывшего жилища фаэриэ. Сказывали, сам Хранитель Дорог все тропинки пустил в сторону от желаемого покоя и тишины осиротевшего пристанища прекрасной, как ясная лунная ночь, волшебной девы, все пути направил в обход мыса Иглы, чтобы никакой странник не помешал отдыху прохладных каменных коридоров и лестниц.

До тех пор, пока в замке не появился узник. Проклятый и своими и чужими. Говорят, он был чистокровным фаэриэ, из тех, что в обмен на власть скармливал своих сородичей обитателям Сумерек – туманного мира, тесно соседствующего с миром живых людей, – места, откуда и просачивалась в «верхний мир» неживая мерзость и грязь, хищные твари и, что самое худшее, – те, кто завлекал обманом и магией на изнанку тени, беря в заложники не только тело, но и душу.

Того, чье имя стало синонимом проклинаемого, заточили в старый замок, обрекая на одиночество, которое могло бы стать почти вечным. До тех пор, пока стоит замок, пока смерть не призовет узника. А обрести свободу ему было невозможно.

Впрочем, поговаривали о некоем Условии, которое кто-то из магов, накладывающих заклятье заточения, «подарил» пленнику, не иначе как с целью поселить в нем ложную надежду на возможное спасение, тем самым лишь усугубив его муки.

Условие заключалось в том, что лишь незванный гость, явившийся в замок из глубин причудливо переплетенных коридоров, сумеет вывести узника на волю...

Именно об этом Условии думал сейчас пленник, сидящий на подоконнике раскрытого настежь окна и ловящий губами солоноватые капли ливня, летящие ему прямо в лицо. Волосы, когда-то бывшие чернее ночи, сейчас отливали холодным свинцовым отблеском при каждой вспышке молнии, освещавшей узкое бледное лицо, глаза на котором сияли двумя сиреневыми огоньками. Такими же, как и небольшая искорка в глубине аметистового шарика, оправленного в серебро – словно миниатюрная драконья лапа сжимала в когтях гладкий драгоценный камень.

Огонек в аметистовой подвеске едва заметно пульсировал в такт биению сердца узника, то и дело почти угасал – но потом вспыхивал вновь с удвоенной силой.

Ревел океан. Где-то далеко внизу с грохотом разбивались волны об острые камни. В шум бури, смешанный с громовыми раскатами, вплеталось унылое, пронзительное пение морских сирен, которые устроили себе праздник на бурлящей поверхности соленой пенной воды.

Резкий порыв ветра откинул назад волосы пленника, едва доходившие тому до плеч, бросил в лицо пригоршню холодных дождевых капель. Очередная вспышка молнии озарила звериный оскал улыбки фаэриэ, некогда снискавшего прозвище Грозовой Сумрак за умение повелевать нарождающейся бурей.

Теперь и это – в прошлом.

Не осталось ничего, только ревущий океан, сошедшие с ума небеса за окном да гнетущая тишина мертвых покоев замка и переходов. И тоска по *ней*, рвущая душу стальными когтями, цепляющаяся за живое каждый раз, когда он осмеливался думать о чем-то, кроме повседневного существования, этого медленного переползания изо дня в день. Словно издыхающее от жажды животное из последних сил стремится к воде.

Нет, не к воде. К ее миру.

Потому как те, кто заточили его в этот замок, запечатали его со всех сторон настолько надежно, что проникнуть в него любому «гостю» было бы невозможно. Практически невозможно. Оставалось надеяться разве что на то, что заклинание со временем выдохнется, и сюда кто-нибудь сумеет забрести.

Пленник нехорошо усмехнулся и посмотрел вниз. Туда, где морская вода неистово бурлила в природном котле, в обычное время бывшего спокойной бухтой.

Он не может даже покончить с собой, бросившись вниз. Его тюремщики предусмотрели и этот вариант развития событий. Его ждет кратковременный полет, жуткая боль и беспмятство, после которого он придет в себя, лежа на собственной кровати, абсолютно целый и невредимый. Как фаэриэ вместе с людскими магами добились такого эффекта – остается только гадать. Можно думать долго и не додуматься.

Хотя времени-то у него как раз много. Очень много...

Почти вечность.

В комнате раздался тихий смех, едва слышимый на фоне постепенно утихающей бури, но почему-то он моментально был подхвачен эхом и в мгновение ока разнесся по пустынным каменным коридорам.

Замок играл с вынужденным затворником, не то компенсируя себе годы вынужденного «молчания», не то попросту издеваясь. Как бы то ни было, сосуществование с Грозовым Сумраком ему предстояло очень долгое...

Глава 1

Осенняя Роща сплошь пронизана прохладным солнечным светом, косо лежащимся сквозь едва заметную дымку, серебристым шлейфом скользящую меж деревьев... Чуть подернутая зыбью поверхность сапфирово-синего озера, в которой отражаются как в зеркале невысокие берега, усыпанные палой листвой... Но само озеро – лишь бледное отражение высокого хрустально-прозрачного неба, чистый цвет которого не нарушен ни единым белым пятнышком облаков. В такое небо хотелось упасть, как в бесконечный омут, как в воды, что разделяют Осеннюю Рощу и Летний сад Алгорских Холмов, прикоснуться к этой синеве, как к безмерно любимому лицу.

Тишина, изредка нарушаемая лишь шелестом листвы под чуткими пальцами прохладного ветра. Он – единственное, что не подчинено мне в этой части Холма, он всегда был сам по себе и не слушал приказов осенних ши-дани, исполнял лишь просьбы, высказанные от чистого сердца. Сейчас ветер ласково перебирал мои кудрявые волосы, в которых, казалось, запутались солнечные лучи вперемешку с красками осени – и медная рыжина клена, и густой рубиновый отблеск осин, и нежное золото берез соседствовали в моих прядях с сочным цветом спелых плодов каштана и редкими, едва заметными в общей массе, тонкими серебряными прядями. Ведь осень одной рукой касается жаркого лета, а другую всегда протягивает холодной зиме. Потому-то в волосах всех осенних ши-дани есть и золото знойного летнего солнца, и прохладное серебро первого снега.

Мы есть те, кого непостоянные, страстные, живущие единым миготом и наслаждающиеся каждым днем своего существования люди называют духами природы, детьми лесов, теми, кого можно заметить лишь краешком глаза в переплетении древесных ветвей, разноцветной листве или круговерти зимней метели. Мы – народ ши-дани, проживающий в Алгорских Холмах, оберегающий и свой волшебный край, и часть мира людей на поверхности. Для нас время течет, как песок сквозь пальцы, с каждым годом мы меняемся, как природа, оставаясь прежними. Мы те – над кем не властны Условия колдовства, которым вынуждены подчиняться другие народы, владеющие магией, для нас существуют лишь Сезоны, когда мы входим в полную силу.

Люди ошибочно предполагают, будто бы весь народ ши-дани одинаков, что мы можем использовать силы природы по своему усмотрению в любое время дня и ночи, вне зависимости от погодных условий, всегда, когда нам вздумается. Возможно, если бы оно было так, жить нам довелось бы куда проще. Но момент рождения каждого ши-дани раз и навсегда определяет не только его внешний вид, но и принадлежность к одному из Сезонов, к месту обитания в Алгорских Холмах. Мне довелось родиться осенью, в разгар буйства ярких красок, мягкого лиственного ковра и пронзительно-синего неба, тогда как моей младшей сестре – в холодную зимнюю ночь, когда метель воет, подобно одинокому волку, а ледяной ветер гонит тяжелые седые облака по низкому суровому небу, поднимая снежную крошку с белого покрывала полей. Потому мы с ней так не похожи, и если меня можно принять за человека даже на пике моей силы, то в облике Ильен всегда больше звериного, волчьего. По Зимнему лесу она бродит либо в образе серебристо-серой волчицы с бледно-желтыми, напоминающими восходящую луну, глазами, либо как сейчас – в облике женщины, чье тело покрыто гладкой серебряной шерстью, а пушистый волчий хвост мерцает бриллиантами на осеннем солнце.

Сестра заметила меня сразу, подошла ближе и улеглась рядом на осенний ковер, положив голову мне на колени. Я машинально запустила тонкие пальцы в ее холодную, словно настывшую на морозе, бело-серую гриву волос, погладила по щеке. Зимние ши-дани неповторимы, как снежинки, и, несмотря на странный облик, они ближе всех нас к людям.

Ильен довольно заворчала и свернулась калачиком, накрыв пушистым волчьим хвостом подол моего одеяния, больше напоминающего аккуратно скрепленные между собой осенние листья, чем расшитую ткань.

Сестре не нужно говорить, зачем она пришла – наверху разгар весны, и нам обеим скучно. В это время только в Холмах мы можем быть теми, кем привыкли быть. Вздумай мы выбраться в людские земли, как Ильен пришлось бы обернуться простой волчицей, а мне – стать женщиной, не юной, но и не пожилой, такой, каких тысячи, и, что самое главное, от нашей силы там, наверху, остались бы лишь жалкие крохи.

Совсем скоро у людей будет большой праздник, который они прозвали Бельтайном, и редкий ши-дани может устоять и не подняться наверх, в Цветущую ночь, когда можно прикинуться человеком, побыть в круговерти скоротечной, а потому особенно яркой жизни, наполненной смехом и пьяным запахом весны. Нас тянет к людям, потому что именно они позволяют нам чувствовать себя не просто олицетворениями сил природы, а живыми существами, наделенными той искрой, что зовется душой.

Впрочем, тянет не только нас.

Фаэриэ, существа, связанные Условиями колдовства точно так же, как и люди, тоже частенько выбираются из своих закрытых городов и уединенных замков на волю, правда, понять их я зачастую не в силах. Фаэриэ, в отличие от ши-дани – это не просто живые существа, наделенные даром сливаться с природой и становиться ее частью. Они – ожившая стихия, зачастую разрушительная и беспощадная, потому и ограниченная Условиями. Сильно и жестко ограниченная, и поблажек для фаэриэ, в полной мере овладевших мощью родной стихии, нет. За тем редким исключением, когда фаэриэ сумеет найти кого-то, кто будет помогать исполнению его Условий одним лишь своим присутствием.

Потому зачастую их долгая жизнь проходит в поиске, потому так часто фаэриэ вмешиваются в жизнь людей, особенно наделенных даром колдовства, заключают союзы и скоротечные браки с одной лишь целью – почувствовать себя свободными. Они – как стремительная река, перегороженная плотиной, как земля, заключенная в тиски площадей и мостовых. Они рвутся на волю любой ценой, и нет ничего желаннее для фаэриэ, кроме возможности становиться той стихией, которой они были рождены, но, к сожалению, цена эта бывает слишком высока.

Однажды мне рассказали историю о прекрасном, как ночь, фаэриэ, который так сильно возжелал свободы, так хотел вырваться из клетки навязанных ему при рождении Условий, что заключил договор с Сумерками. Вместе с женщиной из своего народа, чье имя стало синонимом проклятья, он кровью и смертью прокладывал путь Сумеркам в мир людей, тем самым приближая собственную свободу от Условий. Его остановила лишь объединенная магия ши-дани, людей и фаэриэ. Впервые три народа сумели так тщательно подобрать Конклав Тринадцати, что Условия колдовства для каждого из них были выполнены. И ярким солнечным днем Грозовой Сумрак был схвачен, а та, кто помогала ему исполнять Условия даже при ясном небе, была отправлена к сумеречной нечисти. Почему их просто не убили – история умалчивала, мне же казалось, что просто лишение возможности сливаться со стихией и стало для них самым суровым наказанием, смерть была бы слишком простым и естественным финалом для обоих...

Ильен тихонько вздохнула, подняла голову с моих колен и осторожно погладила меня кончиками когтистых пальцев по бедру. Я вздрогнула и посмотрела на небо, которое из прозрачно-синего стало серым, а поднявшийся ветер пригнал невесть откуда дождевые тучи. Осенняя Роща всегда слишком чутко реагировала на мое душевное состояние, несмотря на то, что мне только предстояло стать ее сердцем.

Я почему-то всегда чересчур грустила, когда вспоминала историю Грозowego Сумрака, пусть она и завершилась лет двести назад по человеческому летоисчислению, когда меня еще и на свете-то не было. Иногда Ильен потешалась, что, быть может, это память другой ши-дани,

той, чья сила перешла ко мне при рождении, дабы не быть утерянной, я же в таких случаях лишь отмахивалась от родной сестры.

– Бельтайн скоро, – зимняя ши-дани, уютно устроившаяся рядом со мной, нагло стянула с меня шаль, более всего напоминающую сеть, сплетенную из тумана с налипшими осенними листьями, и завернулась в нее так, что выглядывало лишь красивое лицо, обрамленное пышными седыми прядями волос, да серебристый хвост. – Появишься наверху, сестрица? Весенние обещают придумать что-нибудь новенькое, да и с людьми пообщаться хочется. С ними так весело, а уж если кого посимпатичнее в кусты затащить... Любят, как в последний раз, и всегда по-новому.

– Если жители Весеннего луга обещают что-нибудь особенное – стоит пойти непременно, – я даже не попыталась выпутать сестру из шали, захочет – сама выберется, до того даже пробовать бесполезно, постоянно то коготок за ячейку узора зацепится, то угол вокруг щиколотки узлом завяжется.

– Ты еще слишком молода, чтобы делать вид, как будто тебя уже не интересует происходящее наверху, – Ильен усмехнулась и подмигнула мне.

Помню я ее в человеческом облике – гибкая, фигуристая красotka с выбеленными природой и жарким солнцем волосами. Яркие юбки вихрем взлетают с каждым движением в танце, искристая широкая улыбка не сходит с губ. Редко-редко мелькнет лунный отблеск в глазах, почудится на миг пышный волчий хвост, но люди обычно этого не замечают. Куда им, когда такая девица завидные кренделя в пляске выписывает да скачет через высокий весенний костер, не подобрав пышных волос!

– Интересует, но не так, как тебя, – я перебирала кончиками пальцев холодные пряди волос зимней сестры, и потихоньку отпускала тяжесть в груди, вызванная отгремевшей более двух веков назад историей. – Покорить людей нашей способностью чаровать очень просто, а я хочу их понять. Почему они сгорают в скоротечных чувствах дотла, почему рвутся на поле битвы во имя чужой, не своей цели?..

– И зачем ищут исполнения желаний среди сумеречной нечисти, ведь так? – Ильен села, внимательно глядя на меня сквозь бело-серую челку. – Это люди. Они лишены долгой жизни, но взамен наделены великой свободой воли, особенно те, кому посчастливилось родиться без дара колдовства. Может, именно поэтому они тянутся к тому, чего избегают ши-дани, но, как показала история, не чураются некоторые из фазриэ. В стремлении показать, что и они могут то, что другим не под силу.

Мы замолчали. Холодный ветер, что гнал по небу серые дождевые облака, утих, а солнце вновь проглянуло сквозь потихоньку рассеивающуюся пелену туч. Я потянулась к изящной, сделанной из множества скрепленных друг с другом с помощью воска полых стеблей тростника флейте и поднесла ее к губам.

Чистый, нежный звук разлился над глубоким озером, заполнил собой пространство, скользнул на крыльях ветра меж хрупких стволов трепещущих осин, эхом отозвался где-то в глубине Осенней Рощи. Мелодия рождалась неторопливо, степенно. Она захватывала все больше и больше, становилась все сложнее, богаче и напевней, раскрывалась постепенно, как пышный, яркий, словно обагренный кровью, георгин под осенним солнцем. Траурный цветок в память уходящему лету.

Флейта принимала мое дыхание и отдаривалась чудесной музыкой, той, что смертные иногда слышат в молчаливом осеннем лесу в гулкой, звенящей тишине. Эхо чего-то невыразимо прекрасного, но уже ушедшего. Подобно флеру духов, остающемуся после того, как вышла за дверь прекрасная женщина, навсегда запечатлевшая свой образ в глубине податливого человеческого сердца, мелодия моей флейты плыла сквозь Осеннюю Рошу, принося успокоение мне и разгоняя унылые облака над озером. Только в Алгорских Холмах я могла играть *так* – вплетая медно-золотую нить звука в канву мироздания, оставляя там свой блистательный

след и где-то что-то изменяя. Слегка, самую малость – но навсегда. Эхо моей флейты достигнет поверхности, отзовется в людских землях даже весной – и осенью в лесу на малозаметном деревце появятся листья с золотыми, блестящими на солнце прожилками.

– Хорошо играешь, сестра, – вздохнула Ильен, как только отзвуки последней ноты растаяли в хрупкой осенней тишине. – А я могу только быть на луну долгими зимними ночами.

– Ты недооцениваешь свои песни или же просто напрашиваешься на похвалу, – я улыбнулась, убирая флейту в кошель на поясе. – Ты поешь, задевая за душу, делишься лунной тоской и свирепой радостью звериной охоты, а когда дело доходит до людских баллад – тебе нет равных. И ты об этом прекрасно знаешь.

– Слышать эти слова от тебя все равно неизмеримо приятней, чем просто знать о своих скромных достоинствах.

Я рассмеялась, поднялась с поваленного бурей высохшего древесного ствола, служившего мне скамейкой, и, поманив сестру за собой, направилась в сторону своего дома.

Недаром в человеческих легендах говорится, что каждый, кто вступил под своды Алгорских Холмов без сопровождающего, рискует лишиться разума. Все дело в том, что все ши-дани Холма живут в одном месте, но в разное время, и жилище в Осенней Роще – тоже одно на всех, только хозяева не пересекаются без приглашения, потому что живут в разные дни. Потому и приглашение в гости у нас отличается от человеческого. Мы говорим друг другу просто: «Приходи в мое время».

Я живу в день разгара осени, который может быть таким, каким я пожелаю, но иногда Осенняя Роща подкидывает мне сюрпризы, начиная с рассвета день, канувший в реку забвения за сотню лет до моего рождения, или же показывая далекое будущее. Как-то раз я обнаружила в свое время человека, который пришел в Холмы с провожатой из летних ши-дани. Она отвлеклась на тропинке, пролегающей через туманные поля, что неразрывно связана с происходящим на поверхности, являясь якорем, не давая нашему Холму исчезнуть в потоках великой реки, слишком быстро пересекла Алую реку по белоснежному мосту, и ее гость отстал, оказался сам по себе. Я вывела мужчину наверх, но не учла, что летняя привела его из прошлого. Он очутился на своей земле спустя полвека с того дня, как увлекся златокудрой ши-дани, прячущей под длинной изумрудно-зеленой юбкой козлиные ноги и последовал за ней в Холмы, и лишь старики в его родной деревне помнили, что был когда-то такой человек.

Мне исправлять содеянное было поздно, летней подруге запретили на долгий срок водить к себе человеческих гостей, но наверху появилась очередная легенда о том, как можно пробыть в жилище феи всего лишь полдня, а, вернувшись домой, обнаружить, что прошло целых пятьдесят лет.

Дом в мое время выглядел несколько иначе, чем у знакомого с юности ши-дани, живущего всего на три дня позже меня – у него в результате магии Холма дом превратился в великолепный дворец из слоновой кости, немного вычурный, поражающий искусной отделкой окон и дверей, с высокими серебряными шпилями на медных крышах башенок. Мое же жилище внешне выглядело симпатичным двухэтажным домиком из дерева и камня, почти таким же, какой можно увидеть в богатой деревне в долине у Алгорских Холмов. Покатая крыша, выложенная красной черепицей, стены из серого камня, окна забраны мозаичными витражами. Простой узор на деревянной двери, над ней – серебряная подкова. Небольшой родничок тихонько шепчет свою песенку, пробиваясь из-под земли в двух шагах от корней старого дуба, шелестит листвою боярышник, растущий рядом с узорчатой деревянной беседкой, каплями крови на ветках кажутся его алые плоды.

Внутри дом кажется гораздо больше, чем снаружи, в нем тихо и просторно. Сноп золотого осеннего солнца льется сквозь витражи на окнах, разноцветными пятнами ложатся на лакированный дубовый пол, тихо поскрипывающий в такт моим шагам. В гостевой комнате стоит стол, покрытый густо вышитой крестом беленой скатертью, короткие лавки, на которые

небрежно брошены шерстяные цветастые одеяльца, чуть поодаль – камин, рядом с которым плетеные кресла-качалки кажутся простоватыми, но Ильен сразу же забирается в одно из них, устраиваясь поудобнее. Моей зимней сестре этот дом нравится больше величественных дворцов, потому-то она так часто и приходит в мое время.

– Фиорэ, одолжишь мне на Бельтайн одно из своих платьев? Они гораздо больше похожи на то, что носят наверху, в отличие от моих костюмов.

Ильен приняла из моих рук позолоченный кубок с подогретым красным вином и улыбнулась. Я лишь плечами пожала, оглядывая сестру с головы до ног.

– С учетом того, что все твои наряды – это плащи да набедренные повязки...

Ильен невинно захлопала ресницами, копируя мимику человеческих девушек, и якобы стыдливо прикрыла пышную грудь серебристым волчьим хвостом. Я невольно улыбнулась – из всех ши-дани зимние больше всех походят на зверей в своем естественном облике, их тела покрывает мягчайшая шерсть, подобная меху животных, оставляя гладкими лишь ладони, ступни и лица. Они не нуждаются в одежде, но, приходя в гости, обычно прикрываются искусно расшитыми набедренными повязками, набрасывают на плечи богато украшенные плащи, мягкими складками ниспадающие до самой земли.

– Подберем тебе что-нибудь, – я уселась в соседнее кресло, отпивая из бокала осеннее вино. Сладкое, как мед, густое и темно-красное, словно кровь из вены, оставляющее на кончике языка привкус черной смородины и спелой вишни.

– Мне кажется, ты слишком давно не выбиралась к людям, – сестра улыбается четко очерченными губами, бледно-желтые глаза искрятся лунным серебром. – Давай чуть поторопим события, чтобы не ждать до завтрашнего вечера?

– Как скажешь, – я поставила бокал с недопитым вином на каминную полку и шутливо потянула Ильен за хвост. – Только сначала найдем, во что тебя переодеть. Чарование – это хорошо, но, боюсь, в Цветущую ночь ни ты ни я не сумеем воспользоваться им в полной мере.

– И хорошо же вам, осенним, – нарочито горько вздохнула сестра, легко соскакивая с кресла-качалки так, что оно даже не шелохнулось. – Вам не надо на себя чары накладывать, чтобы походить на людей или хотя бы на фаэриэ, а вот нам труднее всех приходится.

– Не скажи. В отличие от весенних, мы с тобой хотя бы нормального размера, а не являемся подобиями десятилетних детей у смертных. Им меняться гораздо сложнее, если хотят сойти за взрослого человека.

– Может, потому они и предпочитают невинным развлечениям жестокие шутки?

Я лишь плечами пожала. Кто знает, что на уме у непредсказуемых, как весенний паводок, обманчиво-теплых, как мартовское солнце, после которого зачастую жди метели, и призрачно-прекрасных весенних ши-дани? Наверх они являются в облике крошечных человечков с прозрачными стрекозиными крыльями, чей голос звонок, как песенка ручья, а светящийся след рассыпаемой крылышками пылицы может далеко увлечь человека от родного дома. Иногда в круг танцующих, где смертный может плясать, пока не свалится замертво, в непролазную чащу, но чаще всего «болотные огоньки» заманивают незваного гостя в непролазную трясины. С другой стороны, весенние ши-дани могут одарить человека, связанного Условиями, даром предвидения, остановить надвигающиеся на только-только зазеленевшие пшеничные поля заморозки и не дать разлившейся в начале апреля реке затопить близлежащие села.

Но в Цветущую ночь на жестоких шуточках лежит негласный запрет. Бельтайн – это ночь веселья, ночь праздника жизни, ночь ярких костров, залихватских танцев и торопливых поцелуев. В эту ночь, приходящуюся на первое мая, даже фаэриэ оставляют свои закрытые города у побережья океана и выходят в люди для того, чтобы ощутить пьянящую радость от участия в красочном, жарком, как солнце, и пьянящем, как лучшее вино, потоке человеческой жизни. Ведь долгие годы для фаэриэ не протекают так же бесследно, как для нас, ши-дани. Мы с рождения учимся скользить в потоке времени легко и непринужденно, для нас уходящие

годы – лишь вода, текущая сквозь пальцы, тогда как редко кто из фазриэ не несет на своих плечах груз памяти прожитых лет. Потому и их прекрасные глаза чаще всего – лишь бездонные колодцы, куда годы падают тяжелыми камнями, постепенно вытесняя со дна души яростное безумие заключенной в телесную оболочку стихии.

Я провела ладонью по волосам – и пышная осенняя корона осыпалась пожухлой ароматной листвой на светлый деревянный пол.

Для ши-дани Бельтайн – это ночь, когда можно быть кем угодно. Как и Ильен, я хочу притвориться человеком...

Звонкий смех вперемешку с простоватой крестьянской музыкой разливался над долиной у подножия Алгорских Холмов. Прохладный ночной ветер шевелил зеленый подол моего платья, ласково касался мягких каштановых кудрей, выбившихся из туго заплетенных кос с ярко-красными лентами на кончиках. Я смотрела вниз, на долину, где горели золотисто-рыжие лепестки костров, лился хмельной мед, а люди танцевали едва ли не до упаду и, по правде говоря, немного завидовала их способности столь полно отдаваться веселью. В Бельтайн огонь горит лишь на перекрестках дорог у деревень да в лесу на особых полянах, где обычно их зажигают те, чьим Условием колдовства является темное время суток или же полыхающее пламя. С наступлением сумерек один за другим гаснут очаги в людских домах, молодежь обряжается в лучшие свои одежды, украшает себя венками из полевых цветов и яркими лентами, чтобы веселиться до утра.

Горят высокие, в рост человека, костры – и юноши и девушки, поодиночке, или взявшись за руки, прыгают через них, не боясь оступиться и рухнуть в пылающий жар. Звенит простая тростниковая свирель, ей вторит невесть как очутившаяся на празднике скрипка, девушки танцуют вокруг костра, обмениваясь цветочными венками, ждут, кому же посчастливится встретить рассвет с самой пышной и богато украшенной «короной» на голове.

В полночь Бельтайна избирается прекрасная Майская королева, и далеко не всегда это самая красивая девушка на празднике. Чаще это та, кто танцует задорнее всех, смелее всех прыгает через костер, не скупится на улыбки и ведет девичий хоровод по поляне. Не природная красота ценится на Бельтайн, а огонь, что горит в груди у каждой, и в чьем сердце пламя поднимется выше и жарче – той и суждено стать Майской королевой и получить благословение весенних ши-дани, без которых этот праздник просто не обходится.

Их присутствие ощущается повсюду – то и дело мелькают среди ветвей темного леса разноцветные огоньки, мерцают серебристо-лунным светом мелкие цветочки на волшебном, зачарованном ими папоротнике, что поможет отыскать запрятанный клад, а в порывах ветра слышны отзвуки тонких голосков-колокольчиков. Мы с Ильен шли по едва заметной тропинке, кусты расступались перед нами, пропуская, и сразу же смыкались за нашими спинами. Я пыталась идти неторопливо, впитывая запахи ночного леса и отголоски человеческого смеха, но зимняя сестра все ускоряла шаг, словно ей не терпелось поскорее очутиться в людском хороводе, вобрать в себя столь щедро разливаемую смертными жизнь, опьянеть от этой жизни, как от хмельного вина... И наверняка совершить очередную глупость – но кого это будет волновать?

Ильен скользила по тропе – и менялась с каждым пройденным шагом. Зимнее серебро волос потемнело, пропал мягкий искристый мех, покрывающий тело, как я подозреваю, вместе с роскошным волчьим хвостом, так что к тому моменту, как мы подошли к поляне, на которой полыхало кострище, и играла громкая музыка, Ильен выглядела, как обычная женщина. Светловолосая и сероглазая, с тонкой талией и высокой грудью, одетая в голубое платье с белой вышивкой, моя зимняя сестра так быстро влилась в хоровод, что я и глазом моргнуть не успела. Только мелькнула ее светлая коса, когда Ильен подхватил под руку ладный мужчина – да и увлек по ту сторону костра, где я уже не могла уследить за сестрой.

Впрочем, и сама я долго в стороне не оставалась – стоило только шагнуть вперед, как чьи-то руки одели мне на голову сладко пахнущий медом цветочный венок, хрупкая девичья ладонь ухватила меня за руку – и утянула в простенький круговой танец чуть в стороне от костра. Краем глаза я заметила тонкие, почти прозрачные стрекозиные крылья за спиной одной из девушек, цветущий вереск из серебра в волосах другой, платье из сияющего лунного света на третьей. Так иногда случается с нашим даром чарования – стоит заметить одну замаскированную деталь, как все остальные становятся видны. Весенние ши-дани редко увеличивались в размерах, чаще пребывая в облике хрупких, низкорослых существ или вовсе миниатюрных карликов размером с зяблика или синицу с полупрозрачными крылышками за плечами, потому сейчас их истинный облик нетрудно было заметить даже людям... если бы те присматривались чуточку внимательнее.

Мелькнули на хорошеньком личике огромные темные глаза весенней ши-дани, и тотчас державшая меня за руку девушка разомкнула пальцы, уводя змейку-хоровод по краю поляны, оставляя меня в «хвосте». Щекотала босые ступни мягкая трава, чуть кололи пятки незаметные веточки, стлался по ветру алый плащ, словно предвестник рассвета.

Гуляй, Бельтайн! Горите, весенние костры, сжигая затянувшуюся в этом году зиму!

Кажется, что ноги не касаются земли, что солнечное золото яркой, страстной смертной жизни обращает воду в хмельной мед, а кровь – в жидкое пламя, бегущее по жилам. Я рассмеялась, искренне, от души – словно хрустальный звон раздался в ночном воздухе, стремительно потонув в дружной песне десятков голосов – и, ухватив первого, кто оказался на пути, за руку, утянула его в бегущую «змейку», что вновь замыкалась кругом по краю поляны, и остановилась только для того, чтобы танцующие могли обмениваться венками.

Я сняла с головы пышный венок из клевера, папоротника и одуряюще сладко пахнущего ландыша и повернулась к тому, кого втянула в «круг фей».

Лучились смехом светло-зеленые глаза на загорелом лице обремененного Условиями человека, золотистой рыжиной блестели в свете высокого пламени тяжелые, чуть волнистые пряди волос, отросшие до плеч, девственной белизной выделялся вышитый шелком символ мага на отложном воротнике простой черной рубашки. Он улыбнулся, наклоняясь, чтобы мне удобнее было надеть ему венок.

– Нет у меня для тебя венка, красавица, может, серебро в дар примешь?

Похоже, не узнал меня мальчишка, когда-то давным-давно заблудившийся в холодном осеннем лесу на склоне Алгорского Холма. Я тогда выглядела иначе – порыв ветра вместо плаща, шелест листвы вместо голоса, густой туман вместо одежд. Слезы дождя вместо бриллиантов в осенней короне, ягоды рябины – как кровь на листе. Руки у меня прохладные и хрупкие, но ладони мальчика были вовсе как лед. Уже спускались сумерки, а на нем была только тонкая шерстяная рубашка, штаны да тонкие кожаные башмаки на босу ногу. Откуда он сбежал – я могла лишь догадываться, но куда я могла ночью деть человеческого ребенка, чтобы он не простыл до смерти на холодной земле под мелким осенним дождем?

И я забрала его в Холм, в свое время, там, где солнечно и тихо, горячее питье пахнет медом и яблоками, а огонь в очаге согревает, но не обжигает протянутые к нему пальцы. Как сейчас помню любопытные, зеленые, как трава в тени под дубом, глаза мальчика, который с легкостью назвал мне свое имя – Кармайкл из Вортигерна, что находится за сотню верст от Алгорских Холмов. Путешествовал с родителями, но попал в беду – разбойники напали в лесу неподалеку, слуг разогнали... Что случилось с отцом и матерью он не видел, поскольку старая нянька отпихнула мальчика в кусты, наказав бежать, что есть сил, не оглядываясь.

Утром я отнесла ребенка к подножию Алгорских Холмов, к поселению под названием Весенние ручьи, и, честно говоря, позабыла о нем, решив, что люди, наслышанные о чудесах ши-дани, живущих где-то неподалеку, не бросят сироту на произвол судьбы. На прощание мальчик получил от меня в подарок новехонькую теплую одежду «фейских» цве-

тов – алый шерстяной плащ и ярко-зеленый костюм для верховой езды с крошечной вышивкой на воротнике курточки: красный дубовый лист и изумрудный клевер. Символ ши-дани. Как мне кажется, потому-то Кармайкла не выгнали за дверь, а довольно шустро пристроили в услужение к заезжему господину...

– Так что скажешь, чудесница? – маг снял с руки тяжелый узорчатый перстень с «кошачьим глазом» и протянул его мне. – Подойдет ли такой дар взамен твоего венка?

Я только рассмеялась, звонко, весело, отводя руку с кольцом и отбегая к высоченному, в человеческий рост, костру, что полыхал в середине поляны. Парочки стояли чуть поодаль, отворачивая лица от струящегося волнами жара, дожидаясь, пока брошенные щедрой рукой полешки хотя бы чуток прогорят, чтобы можно было рискнуть – и перепрыгнуть через оранжево-золотистые обжигающие лепестки.

Лужицей пролитой крови лег тонкий шелковистый плащ на молодую траву. Я отступила от огня, на ходу подбирая косы и закрепляя их в кольцо на затылке, подоткнула длинный подол зеленого платья, сверкнув светлой, незагорелой кожей лодыжек. Кто-то ухватил меня за локоть, оттаскивая назад.

– Пьяна совсем, раз прыгнуть решилась? – Серьезные зеленые глаза смотрели на меня с загорелого лица мага, с которого всю веселость и простоту как рукавом смахнули. Если бы не знала, что передо мной человек стоит, стала бы грешить на чарование фаэриэ – это у них не лица, а словно десятки, сотни масок, которые сменяют друг друга так быстро, что не понять настоящих мыслей, не прочувствовать тревоги.

– Пьяна! – Радостно, весело, отчаянно выкрикнула я, выскальзывая из его рук, как серебристая рыбка в проточной воде. – Пьяна!

А как иначе назвать то чувство легкости и бесшабашного веселья, что переполнило меня, стоило только спуститься с Алгорских Холмов в Звениящую долину? Когда ноги сами пускаются в пляс на молодой шелковистой траве, когда медвяный запах ландышей и фиалок кружит голову наравне с золотистым яблочным вином, а теплый весенний ветер ласкает кожу нежнее поцелуев? Я была пьяна весной, пьяна Бельтайном, пьяна ночью настолько, что казалось – нет для меня ничего невозможного, ни одно препятствие не встанет передо мной. Может, в этом и был сегодняшний подарок весенних ши-дани – в будоражащем чувства ветре, в аромате молодой травы и теплой, успевшей согреться, земли, что может стать для влюбленных мягчайшим ложем.

Жар полыхающего костра всего на миг окутал меня чуть покалывающим, душным одеялом, когда я прыгнула через огненную стену, что расступилась передо мной, словно руками разведенная, и сомкнулась за моей спиной, прихватив неподобранный край зеленой юбки. Охнули девки, стоящие рядом, кинулись ко мне, принимаясь сбивать робкое пламя с шелковистого подола головными платками, а я сидела на земле и улыбалась, глядя на Кармайкла. Его магия развела стену пламени пополам, как полог у кровати, не дала мне обжечься. Впрочем, ши-дани, как известно, и на углях танцевать босиком могут, и сквозь пламя пройдут невредимыми, а вот рана, нанесенная холодным железом, убьет любого из нашего народа. Мы не можем даже коснуться этого металла – на коже сразу возникают плохо заживающие ожоги, да и просто находится рядом с ним ши-дани очень неприятно.

У каждого волшебного народа своя сила и слабость – быть может, мы не переносим холодное железо, зато никто не властен над нами знанием истинного имени, чего нельзя сказать о фаэриэ. Те всю жизнь пользуются прозвищами да человеческими вариантами, а настоящее имя раскрывают лишь особо близким и любимым. Ведь не зря среди людей бытует легенда, что душа прекрасных и могущественных фаэриэ заключена в имени, и, вызвав имя, можно навсегда заполучить в свои руки власть над ожившей стихией. Не навсегда. Лишь до того момента, когда фаэриэ найдет лазейку в клятве, что его вынудят дать, и уничтожит того глупца, кто возомнил себя хозяином его души, которая своенравна, непокорна и не терпит плена.

– С ума сошла, сестрица? – Высокая, стройная Ильен подошла ко мне, помогая подняться и приобнимая за плечи. Обняла, шепнув на ухо: – Побудь человеком хоть немного, сама же хотела.

– Видимо, выпила лишнего, – улыбнулась я, прижимаясь к сестре и искоса глядя на рыжеволосого мага, с головы которого соскользнул майский веночек.

Он наклонился, чтобы подобрать его, но почему-то передумал и оставил лежать в траве неподалеку от костра. Выпрямился, оглаживая расстегнутый ворот черной рубашки, пристально всмотрелся в мое лицо. Я торопливо отвернулась и позволила Ильен увести меня на край поляны, туда, где на расстеленных на земле льняных скатертях хлопотливые хозяйки разложили принесенную из деревни праздничную выпечку в форме солнца, выставили запечатанные пока глиняные кувшины с хмельным медом и наливками. Чуть поодаль, над двумя ямами, наполненными жаркими угольями, запекалась дичь на вертелах, женщины деловито поворачивали тушки уток и зайцев, то и дело отгоняя особо любопытных и шибко голодных расшитыми полотенцами.

– А скажи мне, сестренка, захватила ли ты с собой свою звонкую флейту? – громко спросила Ильен, принимая из рук красивого ладного охотника в потертой куртке глиняную кружку с хмельным медом. – Сколько раз спеть просили, да без твоей музыки не поется мне что-то.

– Что сыграть-то? – улыбнулась я, доставая из простого кожаного кошелька на тонком пояске любимый инструмент, своими руками вырезанный из дюжины певучих стебельков.

– Сыграй балладу о цветке...

Любимая песня Ильен. Я играла ее столько раз, что кажется, будто мелодия сама звонким ручейком льется из флейты, я же лишь указывала направление этому невидимому потоку. Не магия, но очаровывает и захватывает по-своему, умудряется вплетать в себя и пение ветра в кронах деревьев, и треск дров в ярко горящем костре. Нежная, хрупкая, как коленца речного тростника, музыка, дивную напевность которой лишь подчеркивал сильный, глубокий голос Ильен, в котором нет-нет да чудились отзвуки волчьего воя в разгар зимы.

Сестра пела о цветке Грааль, о том самом, что содержит в себе животворный сок, дарующий умирающему жизнь, живому – пророческий дар и молодость, а кому-то, кто придет к цветку с чистым сердцем и попросит не за себя – бессмертие. И прекрасен этот цветок, о котором люди думают, как о чаше из рук бога, его стебель наполнен темно-красным, густым, как кровь из отворенной вены, соком, а лепестки хрупки и нежны, как прикосновение ласковых материнских рук. Грааль растет в неприступных скалах, скрывается от глаз недостойных, но может сам показаться людям с чистой душой. В песне говорилось, что лишь раз цветок Грааль дался в руки человеку, тому, кто всем сердцем хотел помочь людям, не оставив ничего для себя. Кровь из Грааля смешалась с кровью человека, и войны были остановлены, болезни отступили, а род людей получил новую жизнь, возможность еще раз начать все заново и исправить содеянные ошибки. Люди запомнили имя Кристаса, того, на чьей крови вырос новый цветок Грааль и кто получил бессмертие, назвали его сыном светлого бога и в память о нем возвели новые святилища...

Смолк голос Ильен, поющей всегда словно в последний раз, и потому удивительно душевно и искренне. Смолкла моя флейта, лишь эхо несколько секунд повторяло последние ноты. Молчали люди, зачарованные песней, на несколько минут позабывшие о веселье и выпивке – они смотрели на Ильен с восхищением, и только рыжеволосый маг не сводил взгляда с моей флейты, которая оставалась неизменной в любое время года. Ее не могла изменить ни магия, ни чарование, а время оставляло на гладких трубочках высохшего тростника только едва видимые отметины.

Ярко, сильно взметнулось пламя костра к небу, едва не опалив нависшие над поляной ветки деревьев, люди приходили в себя по одному, по двое, оживая, стряхивая с себя магию песни моей зимней сестры и хлопая в ладоши. Сидящий рядом с Ильен охотник выхватил у

нее из рук кружку с хмельным медом, сделал глоток – и вдруг припал к ярким губам зимней, делаясь с ней сладким летним напитком.

Красиво они смотрелись вместе, в ночь Бельтайна – рослый, ладно сложенный охотник с заглубившимися от тетивы и стрел руками и моя зимняя сестра, в чьих светлых кудрях на миг промелькнуло снежно-белое серебро. А уж какими довольными были серые глаза Ильен, когда она все же оторвалась от своего избранника – словами не передать. Наверняка ведь пожелает еще не раз с ним встретиться, а там и до гостя в Холмах недалеко будет.

Вновь зазвучала залихватская музыка, и весенние, стоящие чуть в стороне от костра, взялись за руки, начиная новый круг танца. Вот уж у кого получается зачаровать не музыкой или песней, а плясками, да так, что человек пропляшет всю ночь, в кровь собьет ноги, а остановится не сможет, пока не выдернет его кто из «круга фей» или же сами ши-дани не отпустят. Я, хоть и не человек вовсе – а тоже не устояла, влилась в игривый быстрый танец с легкостью ручейка. Коснулась левой руки прохладная ладонь весенней, показались на миг темные, кажущиеся слишком большими для узкого лица, глаза, и я удивленно приподняла бровь – сама Оберегающая Весеннего луга скользила по поляне и там, где ступали ее ноги, трава наутро поднимется изумрудно-зеленая, увенчанная бриллиантовыми капельками сладкой, как мед, росы.

Танец захватил меня, понес, как быстрая река, переполненная водами тающих снегов, несет в себе ветку или былинку. Весенние тянули меня за собой так быстро, так стремительно, что мне почудилось – еще немного, и слетит тщательно наложенное еще в Холме чарование, простой лен платья обратится сверкающим шелком с вплетенными в узор застывшими солнечными лучами, заиграют каштановые косы всем богатством красок осени, и тогда никто не спутает меня с человеком.

Только вот на пути весенней реки встала неприступная скала.

Руки Кармайкла выхватили меня из хоровода, маг обнял меня за талию и повел в танце куда более спокойном, чем тот, что завели весенние ши-дани. Предложенный перстень с «кошачьим глазом» мягко поблескивал на мизинце правой руки обремененного Условиями, а подаренный мною веночек оказался прицепленным на рукоять ножа, что висел на поясе мага.

– Остынь, красавица, – он развернул меня лицом к себе, и в его темных зрачках мерцали отблески жаркого пламени. – То скачешь через костер выше человеческого роста, то плясешь так, будто бы в последний раз в жизни.

А меня все тянуло обратно. Захотелось стряхнуть с себя человеческий облик, вновь влиться в круг весенних, позволить их чарованию нести меня на крыльях благословенной, сумасшедшей, и искренней, как первый крик младенца, весны.

– В Бельтайн воспоминания стоят много больше, чем обычно, – отблеск огня в зеленых глазах стал ярче и отчетливее, словно пламя подарило этому человеку частичку своей сути, а сильные, гибкие пальцы Кармайкла скользнули по моей щеке. – Ты напоминаешь мне прекрасный сон, увиденный в детстве. И от твоих волос тоже пахнет ветром и листьями...

Легкий поцелуй словно приоткрыл окошко в Осеннюю Рощу. Крепкий, как искренняя верность, наполнивший рот вкусом золотого тягучего меда, сладких, слегка переспелых яблок и оставивший на кончике языка хмельную горчинку. Поцелуй ши-дани, что может соблазнить человека на добровольное семилетнее услужение в Холмах, вскружить в одночасье голову и оставить горькое похмелье поутру, которое не излечишь обычными средствами...

Ветер, принесший аромат ландышей, окатил мой затылок холодной струей. Ночь уже на исходе, с рассветом весенние перестанут удерживать на склонах Алгорских Холмов туго натянутую сеть магии, что позволяла ши-дани чувствовать себя среди людей легко и свободно и пользоваться чарованием, невзирая на Сезоны.

Кармайкл покачнулся – и упал бы на траву, если б я не успела мягко подхватить его и уложить так, что голова его покоилась у меня на коленях. Маг, немного перебравший хмеля и не устоявший на ногах – не самое обычное, но вполне объяснимое явление. И какая разница,

вина он хлебнул или магии ши-дани, что нынче ночью оказалась розлита среди Алгорских Холмов в изрядном количестве.

– Ты... так вырос...

Неслышно подошедшая Ильен молча подала мне оброненный на траву алый плащ, которым я и укутала Кармайкла. Моя вина в том, что сегодня я не удержалась и чересчур открылась магии весенних, которые явно начудили с ощущением праздника, позволив нам быть теми, кем мы хотим быть. То есть самими собой. Слишком я втянулась в напитанный магией «круг фей», слишком многим на радостях поделилась с обремененным Условиями.

Похоже, что горькое похмелье предстоит наутро нам обоим...

Глава 2

Пробуждение Кармайкла сопровождалось бряцаньем посуды в горнице, да радостными воплями детворы под окном. Маг с трудом разлепил глаза и посмотрел на простой потемневший от времени деревянный потолок комнаты, которую ему любезно предоставила зажиточная крестьянская семья. Чувство невероятной легкости, сопровождавшее его остаток ночи и все утро, пропало, стоило только Кармайклу пошевелиться, и сразу же в груди заныло, защемило непонятной, но на диво знакомой тоской, от которой было не скрыться даже в Вортигерне под крылом магического ордена. Точно такое же чувство потери преследовало его, когда он был еще ребенком, но тогда это казалось как нельзя уместным – ведь родители погибли при разбойничьем нападении, а кому нужен мальчишка-сирота, если есть более взрослые и влиятельные охотники до наследства? Человек, взявший ребенка в ту холодную осеннюю пору к себе в услужение, оказался обремененным Условиями, именно он распознал в Кармайкле мага и отвез его домой, в Вортигерн, пообещав помочь с возвратом законного наследства.

Много воды утекло с тех пор. Мальчик вырос, стал мужчиной и постиг бремя Условий, правда, сказать, что ему несказанно повезло с ограничениями, означало просто промолчать.

Кармайкл из Вортигерна мог применять магию при Условии горящего огня или бегущей воды. Таким образом, в глухую полночь или жарким днем ему достаточно было лишь зажечь свечу или же подвесить наполненную водой флягу горлышком вниз – и твори заклания, покуда льется тоненький ручеек или пугливо дрожит робкий лепесток огня на свечном фитильке.

Такие Условия – огромный подарок судьбы для мага, искренняя улыбка мироздания. Обычно люди ищут способы обойти свое ограничение, заключая непрочные, несчастливые брачные союзы со своенравными фаэриэ или же приходя к ши-дани Алгорских Холмов, но чаще всего всё заканчивается подбором партнера, который более или менее сглаживает их собственное несовершенство.

Маг встал с кровати и неторопливо прошелся по комнате, пытаясь окончательно проснуться. В голове царил бедлам, в воздухе, пропитанном запахом свежего хлеба, постоянно чудился аромат сладких поздних яблок и горького меда, а с пересохших губ не сходил привкус пряной вишневой наливки. Словно и не трезвел вовсе – как был опьянен ночью Бельтайна вместе с девушкой в зеленом платье, так и остался. То чудилась медно-рыжая вышивка в солнечных зайчиках, пляшущих на молодой листве яблонь, то краем глаза замечались каштановые косы, перевитые алыми лентами, промелькнувшие у дверного проема.

Значит, все же это была ши-дани, а не простая деревенская девчонка, которой он сдуру предложил серебряный перстень. Неудивительно, что она отвергла этот «дар», еще бы браслет из холодного железа предложить додумался! Только зимние ши-дани любят серебро, весение – бронзу, летним же подавай золотые украшения, а осенним – медь. Так в старину бывало и визнавали, что за ши-дани выплывает по ночам на зеленеющих полях, оставляя идеально ровные круги примятых колосьев – клали на вечерней заре на белую скатерть посреди поля, где танцевала ши-дани, медный браслет, бронзовую брошь, серебряные серьги или тонкое золотое кольцо, а поутру смотрели, какого из украшений недостает.

Если пропала бронза – значит, веселилась на поле юная весеница, отваживать которую бесполезно, а иногда и опасно. Обидится, задумает злую шутку, и тогда жди беды в виде заморозков, невесть откуда взявшегося града, а то и человека из семьи сманит неизвестно куда – не то в болото, не то в Холм на семь лет и один день в услужение. Принятое в дар серебро указывало на суровых зимних духов леса, с которыми лучше вообще не связываться даже магам – зимницы, на первый взгляд, незлобивые и безмятежные, но что может быть страшнее, чем затишье перед надвигающейся метелью? К тому же, слишком долгая память у тех ши-дани, что скользят средь заснеженных полей в зверином облике, кому метель слу-

жит великолепным плащом, а лед и снег – украшениями в зимней короне. С них станется прийти холодной февральской ночью, когда страшные морозы сменяются нескончаемой вьюгой, и оставить обидчиков без скота, окружить дом глубокими сугробами, не давая выйти даже за дровами. Тут уж лишь на холодное железо уповать остается, да на травяные сборы, что были куплены на ярмарке у заезжего знахаря. С другой стороны – кто, как не суровые зимние ши-дани, оберегают Алгорские Холмы и прилегающие земли от нашествия Сумерек? Именно они в свое время встали живым заслоном, близко не подпуская к Холмам сумеречных тварей, когда те выбрались в мир людей, магией, звериной силой и ловкостью удерживая чудовищ на границе «фейских земель». И продержались почти две недели, пока Конклав не заточил виновника прорыва Сумерек и не пришел на подмогу ши-дани. Когда схлынула беда, люди сняли с себя серебряные украшения, собрали с окрестных сел, чьи дома защитили величественные зимники, серебряные монеты, даже из самого Вортигерна привезли фамильное столовое серебро и посуду – и в солнечный день отнесли подношение на вершину одного из четырех Алгорских Холмов, обращенного к северу, да и оставили богатства без малейшего сожаления. Сказывают, пропало серебро, осталось в дар чудесным зверям, а зима в тот год выдалась изумительно мягкая, обойдя и стужей, и буранами, и голодом охраняемые Алгорскими Холмами земли.

Когда «проверяющие» недосчитывались золотого украшения, то недовольно морщились и побыстрее покидали поле – значит, колосья мяла летница, что таким образом привлекала к себе внимание, и убиралась восвояси, стоило ей только получить новую побрякушку. Вреда особого не причинит, но и не одарит. И только если с беленой льняной скатерти пропадал медный браслет, крестьяне вздыхали с облегчением – осенние ши-дани, что считались наиболее мирными, обычно щедро отдавались за причиненное людям неудобство богатым урожаем. Коли помяла осенница сноп пшеницы, резвясь ночью на поле, то по соседству вырастут сдвоенные колосья без пустородов, что с лихвой окупит потерю. Потому-то крестьяне и вешали на пугала посреди поля медные украшения да обереги, привлекая осенниц, делали медные колокольчики для овец и коз, а на ветках яблонь и груш оставляли витые браслеты. И ведь верной оказалась народная примета – коли пропадет медь с пасеки или с поля, богатый урожай случится, в саду яблоньку, к ветке которой на красной шерстяной нитке была привязана медная узорчатая пластина, плоды по осени будут сгибать до самой земли.

Кармайкл невольно улыбнулся, вспоминая грациозную, как ивовая ветка, девушку, что очертя голову кинулась через стену огня, сорванный украдкой поцелуй, от которого у него закружилась голова, будто бы он хлебнул чистой, как вода горного родника, магии ши-дани. И вкус у этой магии был как у яблок в горьковатом меду...

Интересно, найдется ли в Весенних ручьях медное украшение на продажу?

Судя по тому, что на ветке тоненькой, молодой еще сливы, растущей под окнами выделенной ему комнатки, болталась узорчатая медная пластинка – можно было даже не сомневаться. Не к лицу обремененному Условиями идти в гости к ши-дани без подарка вчерашней осеннице.

Маг застегнул ворот свежей темно-зеленой рубашки с традиционным знаком ордена, вышитым белой нитью на уголке воротника, и уже протянул руку к широкому поясу, как увидел лежащий на полу у изголовья кровати ворох алой ткани, которую он не замечал раньше. Причем вряд ли это была вещь из его личных запасов, поскольку сумку собирал он сам, и ничего красного там и в помине не было, да и принадлежать кому-то из крестьян она тоже не могла. Тонкая шелковистая ткань алого плаща ложилась мягкими складками, обнимала плечи, словно ласковые материнские руки, согревала как жаркие объятия, а на нижнем уголке прилегал крошечный вышивок.

Темно-красный дубовый лист и изумрудный клевер...

Кармайкл, не раздумывая, закрепил плащ на плече серебряной застежкой с гранатами и быстрым шагом направился к двери.

Говорят, что Холм раскрывается для званных гостей, только когда последние лучи заходящего солнца исчезают за горизонтом. Нужно развести на вершине одного из Алгорских Холмов костер из терновника, бросить в пляшущее пламя веточку вереска, омелы или, на худой конец, подойдет и осина, а потом ждать, откликнется ли кто из ши-дани на зов, придет ли к огню, чтобы сопроводить гостя внутрь Холма, или же ночь пройдет в одиночестве.

Что ж, остается только надеяться, что оставленный плащ – не простая забывчивость, а своего рода приглашение.

Прохладные весенние сумерки неохотно окутывали Алгорские Холмы серебристой дымкой, и вот ведь странное дело – в долине, где располагалось поселение, тумана не было и в помине, несмотря на то, что с Холмов стекали десятки ручьев, собиравшиеся в небольшое круглое озерцо к югу от деревни, а наверху – пожалуйста. В какое время года ввечеру не приди, все равно будет туман, иногда едва заметной дымкой, а порой и плотным белым одеялом окутывающий вершину каждого из четырех Холмов.

Кармайкл неторопливо поднимался по узкой извилистой тропке, неведь кем протоптанной в эдакой чащобе среди развесистых кустов боярышника и терна. Тропка едва виднелась в темноте, и если бы не белый мох, слабо светящийся в сумерках призрачным зеленоватым светом, который рос с краю дорожки, маг, скорее всего, сбился бы с пути. Кармайкл с удовольствием взял бы с собой на Холм факел, да торговец, что разыскал в своих закромах искусно выкованный, чуть позеленевший от времени медный узорчатый браслет с янтарными вкраплениями, отговорил брать с собой огонь. Дескать, привлечет живое пламя лесных духов, что по ночам кружат меж деревьев, и тогда хоть всю ночь жги костер из терновника на вершине Холма – не выйдет ши-дани из своего дома, что скрывается под землей, поостережется лесных призраков. Раз медный подарок для осенницы припасен, то помнить надо о том, что не имеет она весной силы в землях смертных, нечем ей защитить себя от разгульной нечисти. Ведь это человека спасет холодное железо, спрятанное на теле, али одежда, вывернутая наизнанку, на худой край и крест освященный сгодится, а ши-дани все эти хитрости не помогут, не сберегут. Другие они, на людей не похожие, да и искорка, что горит в их сердцах наравне с душами человеческими, иначе устроена – загасить ее сложнее, а вот подчинить легче. Потому редко поднимаются ши-дани из своих Холмов наверх, к людям, в чужой Сезон, разве что с охраной или оберегом тайным...

Вершина Холма, продуваемая теплым, влажным, несущим на своих крыльях обещание скорого дождя ветром, была пуста. Деревья здесь почти не росли – только несколько робких трепещущих осин рядом с небольшой каменной плитой, похожей на поваленное надгробие. Судя по всему, эта почерневшая от копоти, растрескавшаяся от времени плита и была тем алтарем, куда приносили крестьяне медные поделки и украшения, оставляли каравай хлеба, выпеченный из первого обмолоченного снопа пшеницы, и корзину с овощами и фруктами в благодарность за урожайную осень и сытую зиму. Здесь повсюду рос папоротник, усыпанный мелкими розоватыми цветочками, но вряд ли кому-то в голову пришло бы взять что-то с вершины одного из Алгорских Холмов без спросу. И клад не отыщешь с таким папоротником, и беду на дом навлечешь.

Кармайкл огляделся и принялся за дело.

Рубить колючий терн широким охотничьим ножом – то еще развлечение, впрочем, когда на первых мелких веточках затрепетали робкие еще язычки пламени, одно из Условий колдовства для Кармайкла было выполнено, и не прошло и пяти минут, как на каменной плите запылал костер в половину человеческого роста. Сгорела без следа в жарком пламени заранее припасенная веточка омелы, а маг уселся на землю и принялся ждать.

Не раз и не два пришлось подбрасывать в огонь терновые ветки, прежде чем на тропинке появилась высокая, статная молодая женщина, зябко кутающаяся в простую вязаную шаль из

овечьей шерсти. Длинные, до пояса, косы цвета спелого каштана были перевиты алыми и оранжевыми лентами, на миловидном лице с округлой линией подбородка уже появились первые, едва заметные в ярком пламени костра морщинки в уголках глаз, хрупкие руки без единого украшения придерживали длинный подол красновато-коричневого платья с тонкой вышивкой. Было в ней что-то от девушки, что танцевала в ночь Бельтайна на весенней поляне, прыгала через обжигающее пламя в человеческий рост и подарила ему поцелуй, напитанный магией, как спелый плод сладким соком, но так старшая сестра походит на младшую.

– Разочарован, Кармайкл из Вортигерна? – женщина под села к костру, узорчатая шаль распахнулась, показав вышивку у ворота платья, такую же, что красовалась на дареном ши-дани алом плаще.

– Я бы не осмелился... – слишком явная ложь для ши-дани, которые читают мысли на лицах людей так же легко, как грамотный человек – написанную на родном языке книгу. Женщина мягко улыбнулась, морщинки в уголках глаз стали еще заметнее. На вид ей можно было дать лет двадцать семь-тридцать – возраст, в котором крестьянки уже успели родить троих, а то и четверых детей, и приобретали незаметную ранее мягкость черт.

– Не нужно мне льстить, Кармайкл, – осенняя ши-дани ласково потрепала мага по плечу и улыбнулась еще шире. – Так зачем ты на Холм-то пришел? Меня повидать, или просто так костерок развел, погреться да весной свысока полюбоваться?

– Отдаться хотел за плащ, которым ты укрыла меня в ночь Бельтайна, – он порылся в карманах и протянул сидящей рядом осеннице широкий медный браслет с каплями янтаря, в которых золотыми искорками заплескали отражения жаркого пламени. – А вот за то, что ты когда-то укрыла меня в своем Холме от разбойников, боюсь, мне не расплатиться уже никогда. Разве что послужить тебе, как служит каждый, кто сорвет поцелуй с губ ши-дани или же вкусит их пищи.

– Хочешь пойти ко мне на службу на семь человеческих лет? Или же на семь лет в Холме ши-дани? – осенница приняла браслет из рук мага, и ее хрупкие прохладные пальцы едва заметно дрогнули, когда она услышала ответ Кармайкла.

Обремененный Условиями человек оставил ей право решать.

Осенница поднялась, и резкий порыв ветра взметнул подол ее платья, пригнул пламя костра к самой земле так, что обжигающие язычки лизнули носки сапог Кармайкла. Зашумели деревья, росшие на склонах западного Алгорского Холма, на чистом осеннем небе невесть откуда появились темные облака с неровным рваным краем, а ши-дани защелкнула на запястье дареный медный браслет и протянула ладонь магу.

– Я беру тебя на службу с открытым сроком. На семь человеческих лет – или же до того дня, пока ты не захочешь меня покинуть и уйти к людям. Но запомни раз и навсегда – никогда более не обещай ни ши-дани, ни фаэриэ того, что ты пообещал мне. Никогда не отдавай свою судьбу в руки тех, кого не знаешь.

– Как хоть называть тебя, госпожа моя ши-дани? – Кармайкл осторожно взялся за протянутую руку и встал, успев заметить на поясе осенницы вышитую кожаную сумочку, такую же, как он видел на деде в ночь Бельтайна – именно из нее вынимала девушка звонкоголосую флейту, подыгрывая сестре, что пела про цветок Грааль.

– Фиорэ Аиллан, ши-дани середины осени Алгорского Холма. С этого момента не говори ничего, Кармайкл из Вортигерна, пока я не позволю тебе этого. Смотри и слушай, если пожелаешь, но молчи.

Маг лишь послушно склонил рыжеволосую голову и последовал за осенницей сквозь густую пелену невесть откуда взявшегося тумана, белой пеленой окутавшей все вокруг, оставив видимой лишь узкую тропку, ведущую, по ощущениям Кармайкла, в никуда. Так, наверное, Проводник уводит после смерти душу человека на тот свет – по узкой тропинке посреди моря молочно-белого тумана, извивы которого то и дело принимают причудливые формы. Чудились

скользящие в воздухе полупрозрачные фигуры, контуры которых едва угадывались в белесой пелене, серебристые огоньки то и дело проносились перед глазами, сбивали с толку. Если бы не прохладная ладонь Фиорэ, крепко удерживающая руку Кармайкла, маг наверняка потерялся бы в этой туманной мгле, блуждал по ней до тех пор, пока сам не превратился бы в призрака, сбивающего непрошенных гостей с дороги.

Чем дальше по тропе – тем чаще виделись Кармайклу призраки, то и дело вынырывающие из туманного моря только для того, чтобы покрутиться перед лицом мага, скорчить забавную или страшную рожу и вновь раствориться в белесой дымке, пахнувшей палой листвой и дождем. Они шептали что-то неразборчивое, какие-то обрывки слов и возгласов, шум, понять смысл которого Кармайклу никак не удавалось, но этот шепот выводил мага из себя, заставлял нервно озираться по сторонам, то и дело спотыкаться, хоть тропинка была ровной.

Белый ажурный мостик, переброшенный через широкую бурную реку, воды которой отливали багрянцем, казался хрупким и призрачным. Чудилось, что стоит лишь на него ступить – как он обрушится в красные воды, над которыми клубилась легкая дымка, стеклянным крошечком. Страшно, несмотря даже на уверенно идущую на полшага впереди ши-дани.

– Погоди, сейчас легче будет.

Фиорэ легонько коснулась лица Кармайкла тонкими пальцами, на которых блестела сладко пахнущая медом и корицей мазь с едва заметными золотистыми вкраплениями.

– Закрой глаза и ничего не бойся...

Почти неосязаемые прикосновения пальцев на сомкнутых веках, губах и ушных раковинах.

Сразу смолк давящий, скребущий по сердцу острыми коготками страха потусторонний шепот, кожа больше не ощущала прикосновения неприятно охлаждающей кожу туманной дымки. Фиорэ нарисовала быстро впитывающейся в кожу мазью какой-то значок на лбу мага и велела тому открыть глаза.

Он подчинился безоговорочно – и оказался посреди осеннего леса...

Ветер, такой ласковый и прохладный, непостоянный и вечный, коснулся моей щеки, отводя назад выбившуюся из косы кудрявую прядку волос, медленно впитывающую в себя краски Осенней Рожи. Кармайкл сидел на хрустящем пышном лиственном ковре и пораженно оглядывался по сторонам, словно не в силах разом понять и воспринять то место, куда я его привела.

Через туманное поле и кровавую реку лежит путь в Холм осенних ши-дани, и призраки прошлых лет встречают каждого, кто проходит по зачарованной тропе. Я нарочно не стала мазать Кармайкла волшебной мазью, что позволяет смертному видеть сквозь чары ши-дани и избегать иллюзорных ловушек – мне хотелось, чтобы мальчик, который когда-то давно попал на западный Алгорский Холм, прошел весь путь, как положено. Быть может, ему будет легче понять то, что он наверняка увидит здесь, под землей, в стране ши-дани, находящейся вне потока реки времени.

Полы алого, словно выкрашенного кровью плаща, что укрывал плечи мага, распростерлись по лиственному ковра, как переломанные птичьи крылья, а сам Кармайкл недоверчиво касался кончиками пальцев прохладной сырой земли, рассматривал искрящиеся крупинками золота прожилки в листьях берез, кажущееся фиолетовым в лучах закатного солнца небо, похожего на опрокинутую чашу...

И только потом глянул на меня, стоящую чуть поодаль.

Узнал, как мне кажется, лишь по осенней лиственной короне у меня на голове, да по теплой шали-паутине, что стлалась по земле наподобие королевской мантии.

– Теперь ты можешь говорить, – я улыбнулась, выхватила из путаного плетения отливающий золотой пылью березовый лист, позволила ветру подхватить его с моей ладони, унести в прозрачно-синее небо.

– Госпожа моя... – Сжались в кулаки холеные пальцы, безжалостно сминая палую листву, вызывая ярко блеснул желтовато-зеленый кошачий глаз в серебряном перстне на правой руке. – Не ошиблось сердце, ты меня укрыла в этой роще, когда я был ребенком и замерзал осенней ночью в Алгорских Холмах.

– Ты прав, Кармайл из Вортигерна. Признаюсь, – я подошла к магу и положила ладонь ему на плечо. – Поднимайся лучше – земля, конечно, еще теплая, да и вряд ли ты простудишься в моих владениях, но разве так приятно сидеть на ней, если есть возможность прогуляться?

Он безропотно встал, по привычке отряхнув добротные штаны от налипших на колени листьев и последовал за мной, то и дело останавливаясь, чтобы оглянуться по сторонам. А посмотреть было на что – с пригорка, где мы очутились после того, как перешли белый мост, вся Осенняя Роща, лежавшая в низине, была видна как на ладони. Воистину резная шкатулка с драгоценностями, доверху наполненная ограненными рубинами осин и дубов, янтарем кленов, золотыми слитками берез и ив, что росли лишь у озера Керрех, отражение которого существовало и в верхнем, людском мире. Несколько малахитовых пятен ельников – и карминово-красная листва дерева королей, что и стало началом нашей Осенней Рощи, ее сердце и сила, ее защита и оборона.

Великое дерево, что обладает собственной магией, возросшее на крови девушки-вещуньи из рода людей, пришедшей в западный Алгорский Холм. Его листья сохранили цвет пролитой крови и по велению последнего короля стали остры, как лезвие меча, а кора отливает благородным золотом, напоминая о солнечных лучах верхнего мира, запутавшихся в косах человеческой девы. Дерево королей всегда первым реагировало на истощение магии Холма, впрочем, как и на любые изменения, что происходили в Осенней Роще, – для этого когда-то оно и было создано. Как и цветок Грааль весенних ши-дани, серебряный олень зимних или же птица радуги у летних – у каждого Холма есть свое сердце, из которого приходит дар волшебства к каждому новорожденному ши-дани, в него же дареная сила возвращается после нашей смерти.

Только вот существует «сердце Холма» не в каждом времени – а лишь у того, кому следует оберегать прилегающие к Алгорским Холмам людские земли. Дерево королей появлялось и исчезало у многих ши-дани, а теперь вот оно удостоило меня чести принимать его в своем времени. Готова поспорить – ненадолго это, но хоть смогу налюбоваться им у себя дома, а не будучи гостьей в чужом времени...

– Здесь так... красиво. Но где же остальные ши-дани? Или они прячутся среди деревьев, как призраки? – Кармайл удивленно посмотрел на меня, ожидая ответа, я же лишь покачала головой.

– В этом дне лишь мы с тобой. Мне сложно объяснить человеку, как именно мы живем, но... Каждый ши-дани живет в Холме в тот день, когда он родился, и лишь в этот день он может править в Осенней Роще, являясь, по сути, ее частью. К примеру, если мне будет радостно, то на небе будет сиять солнце, расстроюсь – набегут тучи. В моем времени Осенняя Роща – это я, а поскольку сами по себе ши-дани существа творческие и не любят, когда вмешиваются в то, как они изменяют природу, то и существует такое разделение по времени. Наступит вечер, пройдет ночь и вновь будет утро – но это будет то же самое утро середины осени, только год будет совершенно другой, понимаешь?

– С трудом, если честно, – маг задумался, пощипывая кончиками пальцев чисто выбритый подбородок. – Но если я правильно понял, то у вас одно место на всех, просто вы живете в разное время... А если вам хочется поговорить друг с другом – то как, если вы разделены не расстоянием, а прошедшими днями?

– Достаточно лишь знать дорогу или получить приглашение, – улыбнулась я, беря Кармайкла под руку. – Я лучше как-нибудь покажу тебе. Моя единокровная сестра живет вместе с зимними в северном Холме, немного позже я вас познакомлю. К ней-то я дорогу знаю, не заблужусь. А сейчас тебе надо отдохнуть – в свое время я ненадолго задержала заход солнца, чтобы ты успел полюбоваться моим домом до того, как сумрак ночи скроет все краски, но в мире людей уже наступила глубокая ночь.

– Я благодарен тебе за заботу... – маг осторожно накрыл мою ладонь своей, и я повела его к своему дому, укрытому в осеннем лесу за туманными пологими и осиновой околицей.

По дороге к моему дому растет яблоневый сад, где плоды то золотистые, почти прозрачные, с тонкой кожицей и сладчайшей мякотью, то алые, крепкие, с приятной кислинкой – все зависит от того, на какой год приходится мое время в Холме. Мне доставляло искреннее удовольствие собирать яблоки, складывая их в плетеные корзинки с вычурной ручкой, а потом отправлять в качестве гостинцев туда, где они были нужнее, – в зимние ли охотничьи уголья, летние ли поля или же к весенним рекам, а в ответ и у меня в доме появлялись дары ши-дани из соседних Холмов. Но раз теперь у меня в доме живет человек, надо будет позаботиться и о еде, приготовленной человеческими руками из того, что растет наверху. Для людей пища ши-дани не слишком хорошо подходит – она не питает тело человека, как должна была бы. Конечно, Кармайкл может пробовать и мои яблоки, и вино, и вообще любое лакомство, но для него это будет как иллюзия, могущая передать все оттенки вкуса, но при этом неспособная насытить и придать сил.

– Ты все же мой гость, Кармайкл из Вортигерна, а не слуга, – он попытался возразить, но я предупреждающе сжала его ладонь. – Ты сам не понимаешь, чего просил, когда встретил меня у костра на Холме. Быть личным слугой у ши-дани – это позабыть на долгие семь лет обо всех, кто остался в людских землях. Забыть о своих личных амбициях и предпочтениях, оставив лишь одно-единственное стремление – служить и угождать своему господину или госпоже во всем. Не самая почетная должность для талантливого мага.

Осенние сумерки быстро сгущались, погружая Рошу в звонкую, хрупкую тишину, что разливалась над деревьями, подобно густому холодному туману, свивающемуся в тонкие жгуты по обе стороны от тропинки. Кармайкл неслышно шел рядом со мной, и полы его алого плаща развевались на легком ветру, тонкая, шелковистая ткань то и дело скользила по моему бедру, словно оглаживая робкими неуверенными пальцами.

Право слово, я не знала, какая блажь замутила ему голову, если после Бельтайна он решил бросить все – и прийти ко мне в добровольное услужение, не зная толком, что может ждать его в такой «должности» у ши-дани, не выучив необходимых условий подобного «договора». Если бы на моем месте оказалась менее щепетильная ши-дани, мальчик умудрился бы не только запропасть на семь лет в Холме, что означало бы пролетевшие над землями людей века, но и душу свою подарить, так и не осознав, почему.

Интересно, что привело его в небольшую долину у подножия Алгорских Холмов? Здесь не проходили крупные торговые пути, не было исцеляющих родников – разве что растущие на склонах Холмов лечебные травы, да редкие мастера, потомки тех, кто когда-то побывал в Холмах, честно отслужив свой срок, и вернулись с подарком. Мы редко оплачиваем службу драгоценностями или золотом, хоть и могли бы – чаще всего нашим слугам достается нечто такое, что нельзя продать, потерять или украсть – только передать по наследству по доброй воле. Из северного Холма зимних чаще всего выходили песенники и менестрели, весенние давали испить росы из цветка Грааль, что даровал ясновидение и прозрение. О дарах летних я и сама толком не знала – не то чтобы они не заводили себе слуг или были ими недовольны, нет, просто настолько они капризны и непредсказуемы, что непонятно, дар они выдадут или же проклятие.

Чего уж стоило желание одного из слуг, который сдуру попросил себе, чтобы каждое его слово, что идет искренне и от души, становилось истиной. Не знаю, что имел в виду человек, но вот проблем у него скорее прибавилось, чем убавилось. Потому как редко он мог пожелать кому-то от души богатства и радости, а вот в сердцах проклясть соседа так, что даже обремененные Условиями помочь не могли – это запросто. Кончилось все тем, что проклял к тому времени богатый и нелюдимый крестьянин собственную дочь, единственный свет в окошке, последнюю радость утаскающей жизни. Проклял так, что сгинула девчушка сквозь землю, попав не то в Сумерки к жестоким и бесчеловечным тварям, не то еще куда – и лишь тогда пришел он снова на южный Холм, кланяться в ноги ши-дани, что была ему хозяйкой долгих семь лет, вымаливать ее милость, чтобы забрала она свой дар и вернула единственную дочь. Все золото, что в доме было, принес он тогда солнечным днем на вершину Холма, три ночи костер жег, и лишь тогда смиростивилась его бывшая госпожа, забрала проклятый дар. Насколько я знаю, дочь вернулась домой, да вот только ни слова до самой смерти больше не вымолвила – насмотрелась в Сумерках такого, что на всю жизнь вперед речь отбило.

А из Осенней Рощи выходили мастеровые люди. Изумительная вышивка появлялась из-под иглы девиц, что семь лет пропадали в западном Холме, тонкие как паутинки нити оказывались на их веретенах, а сотканное их руками полотно шириной в пять локтей можно было с легкостью протянуть через обручальное кольцо. Мужчины же возвращались кузнецами, в горне которых суровое и несговорчивое железо становилось податливым и послушным, как женское тело под руками любимого. Легки и невесомы были узорчатые кубки, что ковали они на зависть столичным мастерам, краше морозных узоров на стекле – серебряные украшения, даримые женам и невестам.

Только вот вместе с даром и тоска навеки поселялась в их глазах. Почти незаметная, легкая как дымка над озером Керрех поутру, но которая вспыхивала чуточку ярче при взгляде на Алгорские Холмы.

Сложно сказать, что люди оставляют в нашем доме. Кто-то – чудесные воспоминания и радость, кто-то частичку своей души, что вечно будет обитать в Осенней Роще, а кто-то и сердце забыть может. И не возьмет обратно, даже если нагонишь у самого моста через кровавую реку и попытаешься вернуть.

Улыбнется только, покачает головой – да и пойдет своей дорогой к такой простой и одновременно сложной человеческой жизни, для того чтобы сгореть, как мотылек у свечи, всего за десяток-другой лет и снова вернуться. На этот раз – навсегда, по доброй воле избрав вместо сладкого забвения и новой жизни существование в Алгорском Холме.

Мой непокорный, легкий и почти живой ветер, что продувает Осеннюю Рощу насквозь, что ласкает мое лицо неощутимыми почти прикосновениями, что гонит по небу гроззовые тучи – он когда-то был человеком. Имя его давно уже стерлось из людской памяти, потомуки расселились по свету, позабыв своего далекого предка, и лишь Осенняя Роща помнит его имя, звонкое, как колокольчик, ласковое, как набегающая речная волна.

Выходя ранним утром из дому, я приветствую его, как и много лет назад, когда он встречал меня у беседки с цветком кроваво-багряного георгина в руках, а в серых глазах его светился тот же странный огонек, что я заметила в глубине зрачков Кармайкла, когда он целовал меня в ночь Бельтайна. Может, именно поэтому я и не хочу зазывать к себе еще одного слугу – боюсь, что когда-нибудь, выходя на порог дома поутру, я буду здороваться и с ним, как ныне здороваюсь с Там Лином. Рыцарем, что в стародавние времена покинул родной дом в поисках счастья – да и угодил ко мне в канун Самайна, спасаясь от ярившейся в небе Дикой Охоты. Остался поначалу лишь до утра, но потом точно так же как и Кармайкл предложил свои услуги в обмен на спасение.

Как же быстро пролетели эти семь лет! Счастливые и безоблачные, годы неслись, как на крыльях, и не успели мы оглянуться, как наше время истекло. Там Лин вернулся к людям,

к своей невесте, прекрасной златокудрой деве по имени Дженет, получив от меня в дар лист древа королей, что вне Холма стал превосходным мечом, не ведающим промаха. Там Лин стал первым рыцарем короля, женился на Дженет, получил собственный замок и земли, а в народе в скором времени появилась легенда о том, как девица спасла своего возлюбленного из рук королевы фей. Что прекрасная Дженет стянула Там Лина с коня, когда тот проезжал мимо нее в свите королевы, крепко обняла и не отпускала, несмотря на то, что жестокосердная ши-дани обращала рыцаря то в змею, то в чудовище, то в раскаленный железный брус, но в конце концов сжалилась – и отпустила его к людям...

Честно говоря, я и не ждала, что он вернется. Но прошло время – и я услышала свое имя, произнесенное с последним вздохом умирающего человека, а потом ветер, что летал свободно по Осенней Роще, вдруг ожил, обрел голос в шелесте листвы, руки и пальцы – в резких порывах, а непокорный, своевольный характер – в призраке Там Лина, который иногда можно разглядеть краем глаза.

Рыцарь без страха и упрека, чей меч разил врагов без промаха, предпочел мою Рощу спокойствию забвения, которое люди называют раем...

– Госпожа моя, хозяйшка приветливая, – голос мага вывел меня из раздумий, и я посмотрела в лицо Кармайкла, освещенное ярким сиянием белой луны, что восходила уже над приоткрытой в преддверии ночи Рощей. – Что так расстроило тебя?

– Всего лишь воспоминания, – я улыбнулась и ускорила шаг, увлекая мага за собой.

Теперь узкая тропка из извилистой стала прямой, как стрела, а деревья и кусты отодвигались в стороны, словно их отгибала невидимая рука великана. Выступающие корни прятались поглубже в землю, не нарушая ровного полотна тропы, высеребренной лунным светом, а я шла все быстрее и быстрее, скользя сквозь Рощу подобно призраку.

Я торопилась домой.

– Неужели ты живешь здесь совершенно одна, и в этой прекрасной Роще больше нет ни единого живого существа? – Кармайкла, похоже, не заботило, как я передвигалась по Холму, гораздо интереснее оказались чудеса, которых на поверхности не увидишь.

– Есть, разумеется, – я сжала ладонь мага крепче. – Только они неохотно показываются на глаза, особенно тому, с чьей кожи еще не выветрилась мазь из зверобоя и четырехлистного клевера. Ведь ты сможешь смотреть через их иллюзии, а некоторым существам это не слишком-то приятно.

– Им неприятно, что они не сумеют меня зачаровать? – Впервые за весь вечер в голосе мага проскользнула нотка самодовольства. Похоже, несмотря на молодой еще возраст, слишком простые для выполнения Условия наложили на него отпечаток бесшабашности и излишней уверенности в собственных силах.

– Не совсем. Для них иллюзии – как для тебя одежда. Ты ведь не хотел бы появиться перед совершенно незнакомыми людьми голым? Вот и они не хотят. Быть может, позже, когда они привыкнут к тебе, или же когда мазь окончательно выветрится, но это все равно будет не раньше завтрашнего дня.

Светящаяся лунным серебром дорожка вывела нас к резной садовой калитке, за которой клонились к земле усыпанные спелыми плодами яблони разных сортов. Ветер всколыхнул теплый, сладкий аромат яблок, разлившийся над садом, окутал нас этим ароматом, как легким, неосязаемым покрывалом, и я невольно улыбнулась. Я могу гордиться своими яблонями, ведь на день позже или раньше, у другого ши-дани, плоды уже не будут такими сочными и ароматными.

– Госпожа моя, а нет ли в твоём райском саду древа познания добра и зла? – негромко спросил Кармайкл, следуя за мной меж деревьев и низко пригибая голову, чтобы не удариться лбом об усыпанные плодами ветки.

– Не путай Холм и то, что люди называют раем. Если ваш рай и существует, то он явно не здесь. Холм – это место, которое находится везде и одновременно нигде, сегодняшний день в Холме может происходить за сотню лет до твоего рождения в мире людей, и потому чаще всего люди видят ши-дани не во плоти, а лишь призраками, видением, которое можно заметить лишь краем глаза. Но и люди для нас – лишь видения, до тех пор, пока мы не перейдем по костяному мосту через кровавую реку, что опоясывает Холмы.

– Скажи, госпожа моя, – Кармайкл остановился у беседки напротив моего дома, разглядывая багряно-красные георгины, которые не смыкали лепестки даже лунной ночью. – А можешь ли ты показать мне определенный год, пусть даже живые существа в нем будут лишь бледными тенями себя самих?

– Да, – я остановилась на пороге дома, внимательно вглядываясь в глаза Кармайкла, которые едва заметно сияли в лунном свете кошачьей зеленью. – Какой год ты хотел бы увидеть?

– Осень в Алгорских Холмах за двести девять лет от нынешнего года. – Еле слышно хрустнул стебелек георгина, на который случайно наступил маг, делая шаг по направлению ко мне, и во взгляде его читалась непримиримая жесткость, словно он пришел в Холм только для того, чтобы увидеть что-то свое, очень личное, в том далеком прошлом. – Когда Сумерки заволокли землю людей и привели с собой тварей, которым здесь было не место. Я хочу это видеть, хочу понять, как зимние ши-дани удерживали их так долго, как смогли не пустить к священному озеру Керрех, уберегли людей, что искали убежища в долине у подножия Алгорских Холмов!

– Кармайкл... – я подошла к нему, протянула ладонь, чтобы провести кончиками пальцев по его щеке, успокоить, убрать тот страх, смешанный с ненавистью, что плескался в его глазах, но маг шарахнулся от меня как от прокаженной, выставляя перед собой руки.

– Не касайся меня, Фиорэ, иначе я вновь позабуду, зачем пришел к Алгорским Холмам. Всего лишь один твой поцелуй в ночь Бельтайна заставил меня забыть обо всем, в голове был сплошной туман, который не рассеивался до тех пор, пока я не перешел через белый мост. Я не виню тебя, я сам пришел к Холмам для того, чтобы расспросить ши-дани о том, каким способом они смогли не подпустить Сумерки... Просто... я почти утратил себя в той магии, она вскружила мне голову, как самое хмельное вино из всех, что я когда-либо пробовал. – Маг обнял себя руками за плечи и прислонился спиной к одному из столбов беседки, стараясь не смотреть мне в лицо. – Фиорэ... спасибо, что не приняла меня в свои слуги, что пригласила меня в Холм гостем, а не прислужником, у которого нет права вернуться к людям до того, как истечет его срок... Но в окрестностях Вортигерна все чаще появляются сумеречные твари, словно те уцелевшие, кого не перебили после того, как Сумерки вновь оказались отделены от мира людей надежной стеной заклятий, повылезали из своих нор и опять сбиваются в стаи. Ждут чего-то, терпеливо так ждут...

– Кармайкл... – Я подошла ближе и осторожно коснулась плеча мага. – Завтра я покажу тебе то, о чем ты просил. И не бойся опоздать – даже если ты остался бы у меня на семь лет, я могла бы вернуть тебя к людям на следующее утро после той ночи, когда ты разжег костер на вершине западного Холма. Не бойся меня... Я обещаю, что ты сможешь покинуть Холм в любой день, как только сам того пожелаешь.

– Я боюсь, что мне не захочется тебя покидать, – маг выпрямился и окинул взглядом мой дом, окна которого уже сияли мягким светом свечей, пробивающимся сквозь цветное стекло. Я промолчала.

Стоит ли говорить Кармайклу, насколько похожи наши страхи?..

Ночь спустилась на Осеннюю Рошу, принесла с собой холодный и промозглый туман, окутавший дом плотным серебристым облаком. Если глянуть на него через разноцветную мозаику окна, то можно увидеть лишь очертания фруктовых деревьев, растущих так близко к дому, что

яблоки можно снимать с веток, не выходя из дома – достаточно лишь сесть на подоконник и руку протянуть.

Тихо в моем доме, лишь потрескивает фитилек вычурной фигурной свечи, стоящей на узорчатой поверхности обеденного стола. Ручная резьба в виде кленовых листьев, перевитых виноградными лозами, отполирована до блеска – не я создавала этот стол, он был вырезан тем, в ком меньше всего можно было бы заподозрить краснодеревщика, но ведь каждый из нас имеет право на любимое дело. Я скользнула кончиками пальцев по прожилкам кленового листа, еле слышно вздохнула.

Завтрашний день будет пасмурным, с накрапывающим дождем, от намокшего лиственного ковра будет исходить пряный терпкий запах, а ветер будет сырым и пронизывающим до костей. Нехороший год, тоскливый, сумрачный день, да и призраки ушедших не добавят радости моей Осенней Роще.

Только вряд ли Кармайкл отыщет ответы на свои вопросы в моем дне середины осени – он узрит лишь начало, то, как сумеречные твари впервые появились на склонах Холма, и как зимние, выйдя на поверхность в зверином облике, отгоняли их грубой силой клыков и когтей. Кровь тогда заливала лиственный ковер, питала землю вытекающей из открытых ран жизнью, наполняла Алую реку, опоясывающую Холмы.

Кармайкл увидит начало битвы, но не ее конец.

Ведь Сумерки покинули Алгорские Холмы в неистовую ночь Самайна, на которую пришелся пик силы самого пугающего ши-дани Осенней Роши. Его имя мало кто рискует произнести вслух, и почти никто – в его присутствии. Он – дитя фаэриэ снега и льда и осенней ши-дани, он скользит на грани между Сумерками и миром людей, не принадлежа по-настоящему ни одному из миров. Он – единственный, кто властен над малой частью сумеречных тварей, которых люди называют Дикой Охотой, грехами, настигающими человека, осмелившегося в ночь Самайна выбраться из защищенного холодным железом, серебром и омелой дома.

Он – Черный Всадник, король Самайна...

Именно он и прекратил «безобразия», развернувшееся вокруг Алгорских Холмов. Всего лишь ночь на пике силы – и этого было достаточно, чтобы Сумерки отступили за границы наших земель, не рискуя даже приблизиться и не пытаясь напасть на людей, что оказались под защитой короля Самайна и ши-дани.

Если бы Кармайкл увидел ту далекую ночь – тогда, быть может, он и получил бы ответы на все вопросы, как заданные, так и оставленные при себе, только вот вряд ли Габриэль окажет ему такую услугу по доброте душевной. Что может потребовать король Самайна у простого смертного – даже я не могу представить, ибо его фантазия весьма обширна и непредсказуема, зато я точно знаю, чего он попросит у меня за оказание подобной услуги.

Обязательство прийти к нему в день, когда Самайн наступит в мире людей, и принять участие в игре, правила которой известны только нам двоим.

– Габриэль...

Тихий шепот отозвался эхом под потолком, взывший волком ветер с треском распахнул оконную створку, которая с грохотом ударилась о стену.

Звон стекла, разноцветные льдинки разбитого витража падают на пол медленно, как кружащаяся в воздухе осенняя листва.

Ледяной ветер, гасящий робкий лепесток свечного пламени, несущий в себе морозное дыхание стылой зимы, горячий, только что пролитой крови, и отзвуки голоса короля Самайна.

«Не стоит меня звать, если ты не хочешь быть услышанной, дева осени...»

Голос, пробирающий до костей, вытягивающий из потаенных уголков души на поверхность первобытный страх перед зверем, снегом и лютым морозом, страх перед Сумерками, перед тем, что таит в себе густая тьма на дне глубоких омутов. Голос, пробуждающий радостный, пьянящий азарт погони, счастье в ощущении абсолютной свободы, миг, позволяющий

ощутить целый мир в чаше ладоней... Удивительный голос короля Самайна, который меня пугает и притягивает, заставляет держаться подальше от Габриэля – и одновременно желать встречи с ним.

«Ну же... не молчи. Ты никогда не зовешь меня попусту...»

Холодные пальцы ветра, гуляющего по комнате, легли мне на плечи, шевельнули волосы на затылке, огладили щеку так, что на миг мне почудились руки короля Самайна, играющие со мной так же, как он обожает играть со своими личными слугами. Находясь везде – и нигде, заставляя искать напоминание о себе в каждом порыве ветра, в каждой снежинке, опустившейся на губы.

– Здесь я хозяйка!

«Докажи».

Слово-приказ, слово-просьба, слово-мольба.

Только Габриэль может вложить так много в одно-единственное слово, произнесенное мысленным шепотом и дополненное шелестом ветра в листве деревьев, отголосками волчьего воя в глубине черного леса, треском жаркого пламени в очаге. Только король Самайна может дотянуться до моего времени без приглашения, стоит лишь произнести его имя...

На миг я увидела его – темно-зеленые, почти черные глаза-омуты на бледном лице с острыми скулами, длинный шрам, оставленный холодным железом, пересекающий щеку и разрезавший правый уголок губ так, что теперь любая его улыбка либо пугает, либо же вызывает ощущение, что над тобой откровенно потешаются. Пепельные волосы, кончики которых плавно перетекают в туманные извивы, белоснежная волчья шкура на плечах поверх охотничьей куртки, оправленный в серебро витой Рог на поясе и огромная черная гончая, преданно припавшая к его ногам. Король Самайна возник в моем доме, призрачный и бестелесный, но я знала, что это лишь иллюзия – Габриэль реален в любом своем проявлении, и то, что сквозь его тело свободно проходит лунный свет, не означает, что он не сможет протянуть руку и сдавить мне горло ледяными пальцами.

Сможет, еще как. И помешает ему далеко не любой ши-дани.

Скрипнула половица, зашелестела частая занавесь из мелких бусин, отделяющая горницу от общего зала и гостевых спален, и на пороге возник заспанный Кармайкл в наброшенной на плечи рубашке и измятых донельзя штанах.

– Госпожа моя?

Я ощутила интерес короля Самайна, как ледяную иглу, воткнутую в висок, от которой у меня спина покрылась мурашками. Гончая Габриэля, до того спокойно лежавшая у ног своего хозяина, приподнялась и негромко заворчала на Кармайкла, который, похоже, не видел ни моего неожиданного «гостя», ни его собаку, но ведь что-то выдернуло его, сонного, из постели. Интуиция у мальчика, что ли, развита не по годам?

«У тебя появился личный слуга...», – улыбка, что растянула губы Габриэля, превратила его лицо в жутковатую пугающую маску Черного Охотника, что правит Сумерками в ночь Самайна в мире людей. Он смотрел на Кармайкла так, словно прикидывал, как далеко тот сможет убежать, если пустить гончих по его следу, как долго сможет сражаться с собственными страхами, и этот взгляд мне совершенно не понравился.

– Вон отсюда, Габриэль.

Пахнуло теплым, медвяно-пряным ветром, всколыхнувшим занавески на окне, сила свилась вокруг меня тугим смерчем – и король Самайна просто растворился в воздухе. Его имя, произнесенное вслух, могло призвать его в мое время, но и оно же позволяло выгнать его без дополнительной демонстрации силы, без необходимости сражения за право владения этим днем внутри Холма. И счастье для ши-дани, что Габриэля не интересуют подобные дуэли, иначе числился бы он не королем Самайна, а владыкой всех четырех Холмов...

– Все хорошо, Кармайл, – я заставила себя улыбнуться. – Идем спать, завтра я разбужу тебя с утра пораньше. Мне есть чего тебе показать.

Он кивнул и побрел обратно в спальню, а я задержалась, чтобы восстановить разбитое окно, успев заметить послание от короля Самайна, выложенное на полу из осколков цветного стекла.

Одно-единственное слово из острых кроваво-красных кусочков.

«Жду».

Кажется, завтрашний день будет донельзя богат на события...

Глава 3

Всем хороша Осенняя Роща – и обилием плодов и поздних ягод, и буйными красками, расцветившими кроны деревьев, и небом, то свинцовыми тучами нависающим над головой, то прозрачно-синим, подобно высокому хрустальному куполу. Люди верят, что так оно и есть, что небо твердое, а звезды – это слезы ангелов, рассыпанные по темному бархату небесного свода. Но бывают дни, когда осенний Холм кажется мне тесным и надоевшим, когда от яркой палитры красок рябит в глазах, и хочется держать в руках не пышные лилово-белые или же багряные георгины, а нежные, хрупкие ландыши или ирисы. Хочется пройти не по золотому полю, где тяжелые колосья сгибаются к самой земле, а по светло-зеленому травяному морю, которое колыхнется даже от самого легкого и нежного порыва знойного летнего ветра.

И поднимается из глубины души какая-то странная, чуждая, непонятная тоска не то по чуду, не то по свободе. Тоска цвета грозowego неба, цвета пролитой крови.

Тоска цвета аметиста...

Иногда я завидую людям, завидую тому, как умудряются они прожить свой недолгий век, сгибая натруженную спину под палящим солнцем или прячась от ледяной метели в канун Июля. Живут ярко, с необъяснимой искоркой веры во что-то чудесное, что-то невероятное, и умирают они по-разному, но каждая смерть – это тоже своего рода маленькое чудо. В момент, когда жаркая, горячая искра покидает ставшую ненужной оболочку, – интересно, куда отправляются эти искры, которые люди называют душами? Ведь они не исчезают бесследно, но и не возвращаются на землю. Они как безумно яркие птицы цвета заката, взлетающие ввысь и радующиеся... Чему?

Даже ши-дани знают далеко не всё.

Но понять, куда летят души-птицы, мне всегда хотелось...

Серый дождик барабанил по цветному стеклу, вода с журчанием стекала по узорчатому желобу из обожженной глины в большую бочку, что стояла у дома. Утро оказалось донельзя унылым и меланхоличным – впрочем, ничего другого я и не ожидала. Кармайкл еще не проснулся, хоть его уже ждал свежее испеченный руками крестьянки из Весенних ручьев хлеб, остывало в крынке теплое козье молоко, а нарезанный крупными кусками сыр, завернутый в полотенце, даже у меня пробудил чувство голода.

Похоже, надо все-таки идти и будить Кармайкла. Ночью я ощущала, как беспокойно он ворочается во сне, как просыпается, бродит по комнате, ненадолго останавливаясь у окна – и снова ложась в теплую постель, которая почему-то казалась ему неудобной. Понимаю, что чужда и непривычна для человека первая ночь внутри Холма, особенно перед рассветом, когда не день новый приходит в Рощу, а год сменяется. Я всегда ощущала смену года как невидимый ветер, как легкое колебание земли под ногами, словно проносила над Рощей стремительная волна, на миг накрывающая весь Холм – и с первым лучом солнца вновь начинается день середины осени... Только вот сама осень может быть на десять или сто лет в прошлом или будущем. Как эту «волну» ощущает человек, я не знала, а редкие гости, что здесь оказывались, почему-то не желали говорить на эту тему, несмотря на мои просьбы.

– Фиорэ, госпожа моя светлая!

Я вздрогнула, услышав звенящий от удивления голос Кармайкла, приглушенный плотно прикрытой дверью гостевой спальни, метнулась к частой янтарной занавеси, что перекрывала дорогу к длинному коридору, и очутилась на пороге комнаты, где разместила мага на ночь. И сразу же облегченно улыбнулась, увидев, как по постели, смешно перепрыгивая через складки пухового одеяла, ходит молоденький брауни, напоминавший рыжевато-коричневого совенка, которому кто-то шутки ради вместо крылышек приделал тонкие длинные ручонки. Брауни

разгуливал по одеялу, размахивая маленькой перьевой метелкой и что-то бормоча, при этом совершенно не обращая внимания на сидящего в кровати человека.

– Кармайкл, ты же хотел увидеть кого-то из волшебного народа? – улыбнулась я, подходя к постели и беря на руки уморительно-серьезного брауни, который сразу же перестал браниться в полголоса и затих, глядя по сторонам огромными золотистыми глазами. – Вот ты и увидел.

– Это домашний дух, ведь так? – Кармайкл откинул край одеяла и сел, приглаживая пальцами спутанные волосы цвета медных осенних листьев. – Одного понять не могу, зачем постель-то подметать?

– Он маленький еще, и потому чересчур серьезно относится к своим обязанностям. Ведь правда, Малютка Том? – спросила я «совенка», который уже деловито начищал серебряные пряжки на моем поясе невесть откуда выхваченной мягкой тряпочкой. В ответ брауни только что-то пробормотал, продолжая возиться с потемневшим серебром, которое под его крошечными ручками довольно быстро становилось блестящим как зеркало. Эдак он начнет и с моего платья пылинки стряхивать, тем более что сегодня оно было белым.

Нежную, теплую, с серебристыми искорками шерстяную ткань своими руками ткала моя зимняя сестра, а нити пряли подруги с Весеннего луга. Ведь только они обладают способностью нарезать золотыми ножницами тонкие лунные лучи и превращать их в белый шелк, которому нет сносу, белизну которого нельзя испортить ни грязью, ни кровью. Любая прореха на этом шелке затягивается, как рана на живом теле – стоит только положить волшебную ткань под лунный свет, так кому же, как не весenniцам, прясть нити из шерсти серебряного оленя, сердца зимнего Холма?

– Он умеет разговаривать? – Кармайкл, одетый, как оказалось, в одни льняные подштанники, встал с постели и принялся собирать одежду, которая оказалась аккуратно сложенной в разных местах комнаты. Похоже, что малютка-брауни, добравшись до вещей моего гостя, постарался привести их в порядок, но потом почему-то оставил их лежать там, где нашел. Вот и получилось так, что до блеска начищенные сапоги оказались в разных углах комнаты, выглаженная рубашка – на столе, куртка – на кресле, а штаны нашлись висящими на раскрытой двери шкафа.

– Умеет, конечно. Только не всегда хочет говорить на языке людей, – улыбнулась я, аккуратно ссаживая брауни с колен на кровать и вставая с измятой постели. – Между прочим, если захочешь принарядиться, то в шкафу есть одежда для тебя. Завтрак уже на столе, я подожду, пока ты поешь, а потом направимся в Роцу. Вчера ты просил меня показать тебе определенный год... что ж, ты можешь видеть это ставшее далеким для людей прошлое за окном.

Кармайкл выронил искусно починенную куртку из рук, метнулся к цветному витражу, всматриваясь в редкий седой туман, причудливыми извивами стелющийся над землей, и на лице его отразилось нетерпение исследователя, неожиданно для себя оказавшегося перед неизвестными ранее землями. Я только головой покачала – и вышла из комнаты, не дожидаясь вопросов, которые в любой момент могли посыпаться, как из Рога изобилия.

Сначала магу надо кое-что увидеть и, возможно, понять что-то для себя.

Интересно, будет ли он и тогда просить помощи у ши-дани или же решит, что люди сумеют справиться с нагрянувшей бедой самостоятельно, как «справились» немногим более двухсот лет назад, заточив Грозowego Сумрака в замок на скале?

Смешно ведь, право слово.

Заперли фаэриэ, которого умудрились поймать, но не смогли убить, и отпраздновали победу над сумеречными тварями. Понадеялись на нерушимую крепость своих заклинаний, на то, что заточенный без возможности колдовать фаэриэ будет безопасен.

О да, безопасен. Ровно до той поры, пока не найдет лазейку в запирающем заклинании, или же пока его кто-нибудь не додумается выпустить. Интересно, насколько безумным станет

фаэриэ, более двух веков просидевший взаперти без возможности сливаться со стихией, колдовать, да даже просто умереть? И как его удержать, если люди наверняка позабыли его имя, пугаясь грозы и проклиная сумерки в память о нем?

Ши-дани помнят многое, иногда кажется, что слишком многое. После ритуала Становления у сердца Холма, к которому ши-дани будет принадлежать до самой смерти, с силой кого-то из ушедших им иногда достаются и прижизненные воспоминания. Расплывчатые, зачастую туманные, но иногда – поразительно четкие, и именно они превращают новорожденного в приемника умершего. Замыкается круг дареной силы, начинается новый жизненный виток – и не пропадают умения и приемы, изучаемые годами и сохраненные в земле Холма.

Все, что уходит, рано или поздно вернется – таков закон жизни ши-дани.

Как жаль, что у людей все иначе...

Я отворила потемневшую от времени, искусно украшенную резьбой, дубовую дверь и вышла на порог, полной грудью вдыхая сырой, холодный воздух середины осени. Ветер, показавшийся мне удивительно теплым, принес на своих крыльях запах дождя и грибов, прячущихся под толстым, пропитанным влагой, лиственным ковром. Он скользнул невидимыми пальцами по моим щекам, погладил выбившиеся из переплетенных цветными лентами кос кудряшки, а очередной порыв я ощутила как призрачное объятие.

Доброе утро, Там Лин...

И капелька, сорвавшаяся с козырька крыши, стекает по моей щеке как слеза.

Тихо шелестит мелкий холодный дождь, сыплющийся с неба, как речной жемчуг из прохудившегося мешка. Шуршит под ногами толстый лиственный ковер, скрывая от глаз яркие рыжики, солидные, мясистые грузди и подосиновики с красноватыми шляпками, серая дымка застилает Рошу так, что деревья в отдалении кажутся призраками давно ушедших дней.

Я неторопливо шла по прогалине, вороша листья длинной осиновой палкой, подобранной на опушке леса, и то и дело наклоняясь, чтобы аккуратно срезать найденный гриб. Небольшая плетеная корзинка, которую я захватила из дома, заполнилась наполовину, когда Кармайкл, зябко кутавшийся в алый плащ, наконец-то поинтересовался, а куда мы, собственно, идем.

– Тебе так не терпится увидеть ужас и страх давно отгремевшей войны? – поинтересовалась я, ставя корзинку на землю и опускаясь на колени, чтобы срезать несколько растущих рядом рыжиков, совершенно не беспокоясь о том, что длинный подол белоснежного платья облепили мокрые листья. – Люди – странные существа, право слово. Они всегда готовы понаблюдать за чужими страхами или позором, но почему-то так стыдятся, когда их самих ловят на чем-то неподобающем или унижительном. Тебе так хочется увидеть, как Сумерки наступали на Холмы, превращая людей и ши-дани в пищу, в скот, который нужно убить и употребить как можно быстрее?

– Ты же знаешь, насколько несправедливы твои слова, светлая моя госпожа, – Кармайкл опустил на колени рядом со мной и осторожно коснулся моей руки, сжимающей маленький, похожий на птичье перышко, ножик, который как раз годился ровно на то, чтобы резать грибы или снимать кожуру со спелых яблок. – Я, к сожалению, не обладаю мудростью прошлых поколений, а для человека лучше один раз увидеть, чем услышать или прочесть десятки, а то и сотни раз...

– Тогда ты должен знать кое-что прежде, чем ты увидишь желаемое. Мы – призраки для тех, кто существовал в том далеком году, но это не означает, что мы невидимы и неуязвимы. Существа из Сумерек могут нас видеть, более того – могут и навредить, потому как подчиняются другим законам, которые позволяют им обходить наши. – Я поднялась, отряхивая белоснежный подол, и взяла корзинку. – Я отведу тебя туда, где ты сможешь наблюдать за происходящим, оставаясь в безопасности. К древу королей, что растет в моем времени.

– А что это за дерево? – Маг встал с пышного лиственного ковра и последовал за мной через величественный «туннель», образованный высокими ясенями, чьи золотисто-желтые кроны со временем переплелись ветвями.

– Я расскажу тебе. Чуть позже. Впрочем... мы уже на месте.

Каждый раз, когда я прихожу сюда, мое сердце сжимается от странной непонятной тоски и горечи. Каждый раз, когда я смотрю на огромное дерево, обхватить ствол которого могут разве что два десятка человек, взявшись за руки, в горле возникает ледяной ком и мне почему-то хочется плакать.

Блестящая золотая кора дерева королей крепче драконьей чешуи, а трепещущие на ветру рубиновые листья в фут длиной и шириной с мою ладонь могут одним легчайшим прикосновением разрезать руку до кости. Но узнать остроту алых листьев с черными прожилками могут лишь те, кто по незнанию или злему умыслу не проявят достаточно уважения к живому сердцу западного Холма.

Кармайкл застыл рядом со мной, с удивлением глядя на исполинское дерево, выросшее на берегу маленького озерца с удивительно прозрачной водой – каждый камешек на дне рассмотреть можно было, каждую травинку или рыбу, и чудится, будто озерцо на самом деле мелкое, и воды там всего по пояс. Ошибочное впечатление – глубина этого озерца такая, что до дна донырнуть не у каждого ши-дани получится, а уж достать со дна кроваво-красный янтарь, что получается из смолы дерева королей, падающей в воду – и вовсе задача почти невыполнимая.

– Присаживайся, Кармайкл из Вортигерна. Ты – званный гость в моем времени...

Ритуальная фраза, вошедшая в обиход еще в те далекие времена, когда едва ли не на каждой тропе Осенней Роши, в каждом озере была ловушка для гостей незваных, и постоянно приходилось напоминать местным волшебным существам, что вторгнувшийся в их место обитания человек – приглашенный гость и находится под защитой ши-дани. Маг, сейчас почему-то похожий на меня, как младший брат или сын, осторожно присел на усыпанную листвою землю у корней дерева королей, стараясь не касаться яркой золотой коры. Излишняя предусмотрительность, но уж лучше так, чем непозволительная беспечность.

– Ты обещала рассказать о сердце западного Холма, светлая моя госпожа. – Напряжение в зеленых глазах моего гостя почти пропало, сменившись живейшим интересом и жадой новых знаний.

– Я помню...

Когда-то давно сердцем Холма был его правитель. Это было в те давние времена, когда ши-дани еще признавали власть короля и жили не так свободно и обособленно, как сейчас. Власть была сосредоточена в руках одного из нас, сильного и смелого, того, кто создавал в Холмах прекрасные сады и богатые поля, реки и озера, по его слову поднималась в небесах буря или же утихал проливной дождь. В те времена Холмы еще не были поделены между ши-дани разных Сезонов, а люди для нас не были существами, с мнением и чувствами которых нужно считаться.

Красивые, немного трогательные и забавные игрушки – вот кем были люди для ши-дани Алгорских Холмов.

Не смотри на меня с таким осуждением, Кармайкл. Я полагаю, что к животным и птицам вы относитесь точно так же. Да, мы считали себя более сильными, более могущественными – и поэтому полагали, что вправе поразвлечься с детьми рода человеческого. Мы брали себе в услужение юношей и девушек, не по их просьбе или согласию – а после того, как те, не зная наших правил, пробовали пищу с нашего стола или же срывали цветок в зачарованном саду. И немногие требовали для себя лишь семь лет и один день службы – зачастую люди были настолько очарованы чудесами Холмов, что желали оставаться у нас до самой смерти. Впрочем... слугами они были лишь до того дня, пока старость не лишала их той красоты, что когда-то привлекла к ним ши-дани. Мы возвращали их на земли людей – постаревшими, но

все еще жаждущими нашего общества и нашего волшебства, и вот это и было самым жестоким финалом.

Впрочем, находились и такие, кто являлся в Холм в одежде, вывернутой наизнанку, или же с припрятанным на теле холодным железом – и тогда они смотрели сквозь наши иллюзии, не поддавались нашему очарованию и все же находили выход к людям. Или же оставались в Холмах почетными гостями.

Однажды в ночь Бельтайна, когда ши-дани раскрыли Холм и заманили к себе «дорогих гостей», в нашу страну попала златовласая вещунья. Случайно она к нам забрела, потерявшись в тумане, что накрыл вершину Алгорского Холма с наступлением темноты, или же нарочно стремилась в наши сады – не знаю, но она пришла с браслетом из холодного железа на хрупком запястье, в платье из небеленого льна. Пришла, чтобы остаться навсегда в наших садах.

Не перебивай меня, пожалуйста. И не отдергивай так стремительно руку от золотой коры этого дерева. Тебе кажется, что это не кора, а живая кожа? Знаешь, а ты прав.

Древо королей, сердце Осенней Роши, сердце западного Холма выросло из крохотного семечка, которое вещунья по доброй воле поливала собственной кровью. Потому его листья красны, а кора кажется живой и теплой, как человеческая кожа. Той человеческой девушке еще в утробе матери было суждено стать любящим сердцем холодной и бессердечно-веселой страны ши-дани, научить нас тому, чего мы раньше не умели – любить и сострадать кому-либо. До прихода вещуньи с золотым семечком в руке ши-дани были холодны, как земля под снегом, и не было в нас того, что люди называют душой, божественной искрой. Мы были невинны в своей жестокости, ибо не знали разницы между добром и злом, мы жили без цели, существовали лишь как сила природы, облаченная в плоть, и как природа были одновременно ласковы и безжалостны. По-моему, даже фаэриэ были в те времена более близки к людям. По крайней мере, уже тогда живым стихиям были свойственны жалость и печаль.

Но когда в западном Холме появилось древо королей, алая листва которого была подобна лучшим клинкам, а золотой ствол хранил в себе дикую, неукротенную магию, ши-дани начали меняться. Постепенно, день за днем, почти незаметно даже для самих себя – но уже необратимо. Король, к изумлению своему, тосковал по человеческой вещунье, и все чаще и чаще проводил он свое время у золотого дерева с алой листвой, подолгу говорил с ним, и, как мне кажется, слышал ответ.

Из печали короля возникла Осенняя Роща, светлая и тихая, радующая глаз яркостью лиственного убора и плачущая серыми дождями. А в один прекрасный день рядом с золотым древом появилось еще одно – крепкое и высокое, с темной, почти черной листвой и серебристой корой. Если мы сейчас встанем и обойдем древо королей, то увидим, что оно состоит из двух стволов, тесно сросшихся друг с другом, с переплетенными ветвями – так, наверное, обнимаются навечно влюбленные, ставшие половинками единого целого.

– И больше в Холмах не было королей? – Кармаикл, голова которого лежала на моих коленях, приподнялся и внимательно посмотрел на меня. Я только улыбнулась и посмотрела наверх, на раскинувшийся над нами «шатер» из красной листвы.

– Не было. Ши-дани стало удобнее жить каждому в своем времени и подчиняться своей совести, основой которой стало древо королей. После того, как появилось древо королей, в соседних Холмах тоже возникли свои сердца, свои хранители силы. Если раньше мы могли черпать магию напрямую, то теперь приходится подчиняться законам Холмов. Мы не можем пользоваться магией вдали от волшебной страны, потому стараемся не покидать ее без особой на то необходимости.

– Странные вы... Вместо совести – сердце Холма, вместо души – искра магии, вместо дома – отрезок времени. Я не могу понять...

– Как и я не могу понять людей, у которых вместо совести кошелек с золотом, души не видно за священными книгами, а в доме, где они живут, никогда не было любви.

– Не все люди такие! – Маг сел, глядя на меня с возмущением во взгляде, таким искренним, что я невольно подивилась. Каким же надо быть, чтобы с такой уверенностью отрицать очевидное, чтобы сохранить веру в лучшее и не замечать того безразличия, что все чаще холодной змеей вползает в людские сердца, превращая их в камень без помощи магии фей? – Если бы все было так, как ты говоришь, разве встали бы зимние ши-дани на защиту людей более двух веков назад, разве проливали бы свою кровь, защищая детей человеческих, ожидая подмоги?

– А кто сказал, что зимние защищали людей? – тихо спросила я, отводя взгляд от Кармайкла и устремляя его на зеркальную гладь воды, на которой плавал одинокий ярко-красный лист. – Сумерки наступали на Алгорские Холмы, и зимние защищали свой дом и свою землю, как поступил бы любой народ, которому дорого место, где он родился и жил. Люди... они просто оказались под нашей защитой, как и каждый зверь Алгорских Холмов, каждое дерево и каждый акр земли. И не людской подмоги они ждали. Они всего лишь тянули время, дожидаясь, пока хранитель древа королей войдет в полную силу.

– Но так не бывает! – Маг неожиданно крепко ухватил меня за плечо, разворачивая лицом к себе и заглядывая мне в глаза, словно надеясь увидеть там ложь, одновременно страшаясь найти доказательство правдивости моих слов. – Не может один ши-дани победить, запечатать Сумерки! Ведь выпустить на волю всегда проще, чем загнать обратно, а даже для высвобождения Сумерек потребовались силы двух фаэриэ и огромная кровавая жертва!

– «Лишь тот, кто не принят ни адом, ни раем, в чьей свите чужие грехи и пороки...». Из вашей легенды строчка, я не ошибаюсь? – Я поднялась с мягкого и уютного лиственного ковра, простерла руки перед собой, словно оглаживая медленно поднимающийся над озерцом туман, который становился все гуще, окутывал, словно одеяло, принося с собой запах пожара, душный, тяжелый.

Ты желал увидеть, как Сумерки пришли в Алгорские Холмы, не так ли, Кармайкл из Вортигерна? Теперь смотри и не смей отворачиваться, если желаешь запомнить все до мельчайших деталей, желаешь понять, как это было.

Только не жалуйся потом на плохие сны, милый мой мальчик...

Из туманных извивов вырвалось странное существо с зеленоватой кожей, тонкими, по-паучьи длинными конечностями и небольшими стрекозиными крылышками, трепещущими при каждом движении сильфиды. Плюньте в лицо тому, кто возьмется утверждать, что сильфы – это прекрасные облачные девы, что парят в небесной выси и вызывают дождь, потому что призрачное существо из Сумерек, бродящее по берегу озера и не осмеливающееся приближаться к древу королей, сложно было назвать даже человекоподобным. Единственное, в чем не солгала человеческая легенда о сильфах – так это об их дурном характере, меняющемся так же быстро, как погода на берегу северного моря.

Сильфида повернула в нашу сторону уродливое лицо, половину которого занимали огромные глаза, затянутые бельмами, и негромко заверещала – так может кричать обычная лесная птица, сидящая где-нибудь на ветке дерева среди густой листвы. И не поймешь ведь в чем дело, пока сильфида не свалится тебе на голову.

– Оно нас видит? – негромко спросил Кармайкл, присматривающийся к странному существу из Сумерек так пристально, словно хотел запомнить – и потом суметь выделить среди точно таких же.

– Да, – я положила ладонь на плечо мага, не давая тому подняться. – Существа из Сумерек могут нас видеть и слышать, но, к счастью, они в большинстве своем сейчас не могут нанести нам какой-либо вред.

– В большинстве своем?

– У сильфид недостаточно силы по эту сторону Сумерек, чтобы дотянуться до нас здесь и сейчас, – покачала головой я, наблюдая за тем, как из густых извивов тумана выскальзывает

целый рой разноцветных силфов, еще крошечных, милых и больше напоминавших весенниц в Бельтайн, чем сумеречных тварей.

– Они мне не кажутся страшными... А ведь должны пугать, ведь так?

– Чем меньше знаешь, тем крепче спишь, – вздохнула я, убирая ладонь с плеча Кармайкла, позволяя ему встать. – Силфы пекут хлеб из костяной муки. Мне следует объяснять, чьи это кости, или сам догадаешься?

Он слегка побледнел и покачал головой, по-новому взглянув на кажущуюся безобидной стайку «духов ветра». И правильно, потому что кажущаяся мирной картина изменилась сразу же, как только на поляне появился призрак пожилой женщины, несущей на спине вязанку хвороста. Крестьянка из долины, что решила подняться на западный Холм для того, чтобы набрать хвороста, зачарованно смотрела на мельтешащие разноцветные огонечки с таким выражением лица, будто бы ей показывали нечто совершенно прекрасное. Ожившую мечту, которая жарким огнем горела в ее сердце во времена молодости, но постепенно гасла вместе с уходящими в никуда годами, проведенными в труде и заботах – вначале о муже, а потом и о многочисленных детях.

Она улыбалась со слезами радости на глазах, глядя на мельтешащих перед ее взором силфов, совершенно счастливая.

Улыбалась, даже когда крошечные человечки начали грызть ее натруженные пальцы мелкими, но удивительно острыми зубами, смеялась, когда вязанка упала наземь и рассыпалась, потому что не было у женщины больше рук, чтобы ее удерживать...

Каюсь, я отвела взгляд первой.

Смотреть на чужую боль, пусть даже давно прошедшую, было тяжело. Я не нуждалась в подобных уроках, чтобы понимать, на что способны Сумерки. Кармайклу же, как мне показалось, именно такого урока и не доставало.

Маг тоже не смог досмотреть все до конца, и когда он повернулся ко мне, его лицо было белым, как простыня, на лбу крупными бисеринами выступили капли пота, а расширенные от потрясения зеленые глаза казались еще ярче, чем на самом деле. Он «сломался», когда женщина упала навзничь и уже не смеялась, и единственными звуками остались лишь шум ветра в кронах деревьев, да шорох сотен маленьких крылышек, которые, к счастью, заглушали звуки трапезы силфов.

– Госпожа моя светлая... – Кармайкл упал на колени и обнял меня за пояс, утыкаясь лицом мне в живот и бормоча что-то бессвязное, неразборчивое. Я повела рукой в воздухе, словно перелистывая страницу невидимой книги, и плотная завеса тумана прошедшего дня скрыла и силфов, и их жертву.

Тихо-тихо стало в моей Осенней Роще – лишь шелестит мелкий дождь, падая на лиственный ковер. Светлая, умиротворяющая тишина.

Вместе с туманом, что рассеялся над озером, пропал и душный запах пожарищ, и тревожное, гнетущее ощущение чего-то дурного, затаившегося в каждой тени, в каждом подозрительном шорохе.

Рыжеволосый маг, так напоминавший мне не то утерянного брата, не то так и не рожденного сына, наконец-то успокоился, его плечи перестали вздрагивать от едва сдерживаемых слез, но он так и не разомкнул объятия, цепляясь за меня, как ребенок цепляется за мать. С нерушимой, искренней верой в то, что пока мама рядом, ничего плохое даже близко не сможет подобраться. Не страшны ни воображаемые чудовища, вылезающие из-под кровати по ночам, ни всамделишные волки, что воют в лесу за окном зимней ночью. словно передо мной находился не обремененный Условиями взрослый человек, уже мужчина, а тот самый маленький мальчик, что замерзал насмерть в холодном осеннем лесу на склоне Алгорского Холма.

Я рассеянно гладила Кармайкла по растрепанным волосам и смотрела на трепещущую даже при полном безветрии лиственную крону дерева королей. Интересно, как человек

сумел сохранить в себе доброту и сострадание, будучи обремененным Условиями колдовства, используя магию, как для себя, так и для защиты простых людей от тех остатков Сумерек, что так и не удалось изгнать когда-то давно Габриэлю в ночь Дикой Охоты? Как можно было прожить три десятка лет – и остаться чутким к чужому горю и чужой боли, не закаменеть, не облечь душу в ледяные доспехи, имя которым безразличие?

Похоже, что в этом человеке гораздо больше веры в лучшее, веры в чудо, чем у любого из волшебных Холмов. Хотя здесь-то как раз все понятно – кому как не волшебным существам знать, что чудес не бывает?

Поднявшийся ветер огладил меня по щеке, громко зашумела алая листва древа королей, и в этом шуме мне почудился безмолвный упрек.

Ну конечно, как я могла забыть!

Иногда даже ши-дани, почти лишенные веры, достойны чуда...

– Они... они жрали ей руки, а она пыталась их обнять, – я вздрогнула, услышав глухой, лишенный эмоций голос Кармайкла, легонько огладила его по волосам, словно это прикосновение могло заставить его забыть увиденное. – Они ее убивали, забирали жизнь вместе с плотью, оставляя лишь обглоданные кости, а она радостно смеялась...

– А если бы она кричала от ужаса и боли, плакала, пыталась убежать, и все равно была бы настигнута – тогда тебе не было бы так жутко?

– Не было бы, – зеленые глаза мага были прозрачны, как вода в глубоком ручье, и ярко блестели, словно в них еще стояли слезы. – Я был готов к этому. Но не к тому, что увидел... Я не мог себе представить, что человек может быть настолько счастлив оттого, что его пожирают заживо! Милостивый бог, она ведь под конец поняла, что с ней делают! Перед тем, как упасть, я видел это в ее взгляде!

– У Сумерек свои понятия о способах охоты и насыщения, и, к сожалению, нам, живущим в Холмах или в мире людей, эти способы кажутся ужасными в своей неестественности и жестокости. Когда-то ши-дани сделали все возможное, чтобы существа, рожденные в Сумерках, вернулись к себе домой и более не приходили в мир за Алой рекой. – Я наклонилась и приобняла Кармайкла, коснувшись губами его волос, пахнущих медовыми яблоками и хмельной осенью.

– Пойми, нельзя уничтожить Сумерки, – это такая же часть мира людей, как тень – часть света. Что есть мир, где нет тени? Лишь пустыня, ровная как скатерть, ибо нет на ее поверхности ничего, что могло бы отбрасывать тень. Безжизненный, мертвый мир. Так и Сумерки являются искаженным миром, тенью, отбрасываемой нами на полотно мироздания. Не станет Сумерек, где наши страхи, сомнения, гнев и ненависть обретают плоть – и мы потихоньку увянем. В наших силах лишь отделить их, сделать просто безобидной тенью на стене, а не дверью в никуда, откуда выбираются наши самые жуткие кошмары.

– Сильфы... это ведь не всё, правда? Дальше становилось только хуже?

– В этом месте появились только они, в других оказались еще более странные существа, но я не рискну приводить тебя туда, где ты будешь без защиты древа королей. Себя я могу защитить, а вот с тобой будет сложнее, боюсь, что мне сложно будет вывести тебя оттуда невредимым. Впрочем, я могу рассказать о том, что было и в других местах, как и о том, что случилось позже, – эта история не из тех, что легко забывается, тем более среди ши-дани.

– Расскажи, но... не сейчас. Мне стыдно, но, похоже, я оказался не настолько силен и вынослив, как предполагал раньше. Я без страха расправлялся с теми сумеречными, что вылезали из-под земли на перекрестках дорог и охотились на путников, усмирял нежить на кладбищах и помогал страшным магам ордена ставить обережные круги вокруг сел, когда стало ясно, что всех сумеречных не перебить, а людей защитить необходимо. Я видел страшную жестокость сумеречных, но тогда я чувствовал лишь сожаление об умерших и решимость наказать

виновников... а сейчас у меня дрожат руки, и я с трудом сдерживался, чтобы не убежать, когда увидел, как эти... могут убить...

Кармайкл отпустил меня и сел на землю, уставившись в пространство перед собой невидящим пустым взглядом. Человеку, особенно сильному, трудно смириться с тем, что он еще может испытывать страх перед непознанным, перед тем существом, что ведет себя совершенно не так, как должно было вести, перед «неправильностью» происходящего.

Может, ши-дани и в самом деле в чем-то волшебный, «благословенный», народ – мы с рождения воспринимаем мир чуточку иначе, живем по законам изменчивого и незыблемого в своей постоянности Холма. И потому знаем, что нет ничего более постоянного, чем временное, нет жестких правил кроме тех, что ты сам устанавливаешь, неважно, в своем ли только времени или же в мире людей, пользуясь почти вседозволенностью родного Сезона. И не пытаемся смотреть на Сумерки, как на мир с подобными нашим законами, потому и не ждем, что существа оттуда будут вести себя так, как мы привыкли.

– Просто те сумеречные, с которыми ты имел дело раньше, уже прижились в мире людей, подстроились под его законы – и потому их повадки изменились. А те, которых ты видел, – они просто совершенно иные... Не стыдись своего страха, не пытайся его забыть – просто прими как должное и выучи этот урок. Если Сумерки вновь раскроются, даже не пытайся думать о существах, которые придут оттуда, как о тех, что уже живут рядом с вашими поселениями.

Я протянула Кармайклу ладонь, и тот, помедлив, все же принял ее, поднялся с наметенного ветром лиственного ковра, машинально отряхнул плащ от налипших веточек и комочков земли. Посмотрел на меня глубоким пронзительным взглядом, в котором не осталось ни восхищения Осенней Рощей, ни удивления ее чудесами – только горькое осознание от полученного «урока» и чуть глубже, на самом дне зеленых глаз – холодная решимость.

Он еще потребует от меня рассказать историю до конца – и непременно вернется наверх, к людям, обогащенный новыми знаниями и новыми печалью. И, скорей всего, сложит голову во имя великой, но совершенно бессмысленной цели, которую поставят перед ним орден и простые люди, желающие как можно скорее избавиться от всего непонятного, пугающего и неизведанного.

Ветер, ставший ледяным, взметнул белоснежный подол моего платья, скользнул холодной бесплотной рукой по моим коленям так, что я невольно вздрогнула и обернулась, ощутив на затылке чей-то тяжелый пристальный взгляд. Никого – только остатки тумана рассеиваются над озером, на поверхности которого образовалась тоненькая ледяная корочка, растаявшая почти сразу, едва я заметила ее краем глаза.

Похоже, король Самайна, чье присутствие иногда ощущается в моем дне после того, как когда-то давно я призвала его, назвав по имени, недвусмысленно намекает на очередную встречу. Возможно, я даже соглашусь, потому что если кто-то и сумеет помочь Кармайклу понять, как нужно действовать, если все станет действительно плохо, – так это он. Мне скорей всего не хватит знаний... и той неповторимой убедительности, что есть у Габриэля.

Я ускорила шаг, ведя за собой угрюмо-молчаливого Кармайкла. Прежде чем принять приглашение короля Самайна, мне нужно развеять страхи пришедшего по доброй воле мага.

В моем доме сегодня царила особая атмосфера уюта и покоя. Жарко горел огонь в камине, стол в горнице был накрыт двуцветной скатертью – зеленая половина с так называемыми «фейскими лакомствами», красная – с едой, что была приготовлена наверху в мире людей. Малютка Том, одетый в белоснежный передничек и смешной ярко-зеленый колпачок, бегал по столу, напоминая взъерошенного рыжего совенка, расставлял тарелки, поправлял аккуратно сложенные вышитые салфетки. Завидев, как входим в горницу, брауни забежал еще быстрее, заканчивая приготовления к обеду, а потом вдруг оказался сидящим на моем плече и указывая на Кармайкла.

– Ты совершенно прав, у него был очень тяжелый день, – согласилась я, беря Кармайкла за руку и подводя к столу. Впрочем, как я и ожидала, от еды он отказался, усаживаясь поближе к очагу и протягивая к живительному теплу озябшие, чуть подрагивающие пальцы.

Брауни неуверенно поерзал на моем плече, а потом тихонько чирикнул, как лесная пичужка.

– Наверное, стоит. Принеси, пожалуйста, яблочное вино с красной печатью.

«Совенка» как ветром сдуло, а я подошла к своему гостю, аккуратно сняла с его плеч алый плащ и ласково провела ладонью по его щеке, на которой уже пробивалась однодневная щетина.

– Если не хочешь есть, то хотя бы выпей. – В моей руке, как по волшебству, оказался янтарный рог, наполненный золотистым медовым напитком, теплым, почти горячим, как кровь из отворенной вены. Я протянула его Кармайклу, и тот, рассеянно кивнув в ответ, припал губами к окованному золотом и медью краю Рога.

В воздухе резко запахло георгинами, палой листвой и горьковатым осенним медом, а пламя в очаге пугливо припало к дровам, словно испугавшись льющейся потоком магии Холма. Моей магии, моей осени.

– Пей, Кармайкл, и будь весел, – я выпрямилась, наблюдая, как капельки золотого напитка стекают по подбородку моего гостя, как растрепанные рыжие волосы мага свиваются в небрежные локоны, а потускневшие глаза наливаются новым блеском.

Он отбросил опустевший рог в сторону и пристально взглянул на меня, и глаза его были как два ярко сверкающих в солнечном свете прозрачных изумруда, зеленые-зеленые, как молодая трава. Единственный долгий взгляд глаза в глаза – как тонкая золотая паутинка, протянутая от сердца к сердцу. Человек, если выпьет хмельное осеннее вино, ненадолго приблизится к ши-дани, что одарила его волшебным напитком по доброй воле, в его жилах заструится магия Холма, в голосе будет слышен вольный ветер, а на губах он ощутит вкус меда и черной рябины, спелых яблок и свежего хлеба.

Полыхнуло в очаге заново разгоревшееся пламя, огненным цветком распустились жаркие лепестки на почерневших, на глазах обращающихся в алые угли дровах, а маг резко поднялся и обхватил меня за талию, привлекая к себе и крепко целуя в губы. В прошлый раз я опьянила человека дикой неукротимой магией Бельтайна, а сейчас сама попала в сети своего же колдовства.

Я пила с губ Кармайкла золотой мед и терпкое вино, пила пламя, что рыжими искрами скользило по моей коже, не обжигая, и ощущалось как ласковые прикосновения, словно пламя обратилось в продолжение рук мага. Если рыцарь Там Лин вернулся ко мне ветром, своенравным, верным, непостоянным, то Кармайкл мог бы прийти жарким пламенем, что согревает озябшие пальцы горячими поцелуями, танцует на багряных углях и защищает, сжигая любого, кто станет угрозой – при этом не причиняя вреда единственной возлюбленной, ради которой можно отказаться даже от рая.

– Возьми на службу, светлая моя госпожа...

Я не сразу сообразила, что голосом Кармайкла заговорил огонь в камине.

– Возьми...

Вспыхнули яркими лепестками пламени фитильки желтых свечей, что стояли на подоконнике. Соскользнул на пол сдернутый с моих плеч плащ, неровной горкой улегся на светлых досках.

– Возьми!

Еще жарче стал поцелуй, хмельной, неумный. Так целуют, когда позади томительное ожидание после долгой разлуки, так целуют, когда прощаются навсегда или же перед тем, как отдать себя в вечное рабство тому, что сильнее смерти, тому, что иногда позволяет вернуться...

Кармайкл отстранился, глядя мне в глаза, и в его расширенных зрачках танцевали отблески золотого пламени. Еще немного – и я согласилась бы, поскольку сама оказалась пьяна осенним вином, но сильный зимний ветер, с грохотом распахнувший приоткрытую входную дверь, обнял меня холодными порывами, сдавил горло ожерельем из ледяного серебра.

Магия Габриэля, так бесцеремонно ворвавшаяся в мое время, развеяла осенний хмель, отрезвила, разом успокоилась нас и пропала, оставив на наших одеждах быстро тающие снежинки.

– Фиорэ... что это было? – Кармайкл словно очнулся от глубокого сна и смотрел на меня, зацелованную так, что губы и щеки до сих пор горели, с неподдельным смущением.

– Это и был тот, по чьему слову когда-то давно Сумерки приняли обратно своих детей и закрылись для мира людей. Тот, кто может дать тебе нужные знания и, возможно, ключ к победе...

Я не назвала его имя вслух, только широко известное прозвище.

Король Самайна...

Глава 4

После заката небо над головой наконец-то очистилось от пепельно-серых туч, с неровными, будто бы оборванными краями, мелкий дождь, шелестевший за окном весь вечер, понемногу утих, а над землей взошло «ночное солнце». Свет тонкого, обманчиво хрупкого полумесяца, как драгоценная серебряная тиара, оброненная Матерью-природой в момент, когда та сеяла звезды на темном бархате небосвода, заливал верхушки деревьев в яблонево́м саду прозрачным голубоватым светом. Казалось, будто бы сам сад подсвечен изнутри, и что не живые это деревья, а всего лишь призраки давно ушедших дней, подобные тем, что я показывала Кармайклу при свете солнца.

Тихо-тихо вокруг, ни звука. Даже ветер, что обычно шевелил желто-зеленые листья яблонь, куда-то пропал, уснул, как и вся Осенняя Роща. Бодрствовали лишь я, да серебристо-белый месяц на небе.

Я плотнее запахла в лежащийся тяжелыми складками темно-коричневый, с красным узором по подолу, плащ, спрятала под глубокий капюшон длинные косы, заколотые на затылке деревянными гребнями, украшенными янтарем и перламутром, взяла с порога глубокую корзину, дно которой было застелено выбеленой льняной салфеткой с мелким зеленым узором по краю. Тихо скрипнула резная деревянная калитка, ведущая в яблоневый сад, лунным серебром высветилась присыпанная песком тропинка, драгоценными камнями посверкивали тяжелые спелые плоды, гнущие к самой земле гибкие ветки.

Какие яблоки любит Габриэль? Сложно сказать, каждый раз я приносила ему разные, и никогда он не высказывал одобрения или осуждения – принимал гостевой дар, как должное, с неизменным вежливым поклоном и едва обозначившейся в уголках тонких, четко очерченных губ улыбкой. Чем удивить одного из сильнейших жителей Холма, того, кто носит корону из холодного железа, украшенную кровавым янтарем? Что предложить тому, кто может получить почти все?

Хороший вопрос, право слово...

Я подошла к маленькой, всего в два человеческих роста яблоньке, на которой красовались всего-навсего с десяток небольших яблок размером с хрупкий девичий кулачок, но именно над этим деревцем я трудилась со времени последнего осеннего Сезона. И потому золотистые плоды получились почти прозрачными – ни дать ни взять сгущенный солнечный свет, прячущийся под тоненькой розовой кожицей, золотистый липовый мед, терпкое молодое вино, невеста как оказавшееся на гибкой яблоневой веточке.

Нет, такие яблоки нельзя класть на дно корзины – лопнет тоненькая кожура и прольется сладкий сок на белоснежную салфетку... жалко будет, право слово.

Я обошла весь сад, опуская в корзину по одному-два плода с наиболее приглянувшихся мне деревьев, пока не наполнила ее почти доверху – и лишь тогда вернулась к молодой яблоньке. Осторожно сорвала теплые, согревающие озябшие пальцы, яблоки, уложила их поверх остальных и торопливо покинула сад через низенькую, почти незаметную калиточку, что вела на узкую, заросшую травой и практически заметенную палой листвой тропинку.

Ведь будучи приглашенным гостем, можно в любой момент пройти в чужое время, скользнуть туда сквозь переплетение теней или же танцующие пылинки в лучах света, найти неведомую ранее дорожку или просто отодвинуть в сторону ветки густого кустарника. Переход из родного, чувствуемого каждой клеточкой тела времени в чужое, где ты всего лишь гость – это каждый раз по-разному. Появляясь в гостях у Ильен в Зимнем лесу, я ощущаю, будто бы перехожу вброд шуструю горную речку с кристально чистой водой, такой холодной, что немеют ноги, а все тело дрожит, как осиновый лист на ветру. Весенний Холм встречает званных гостей запахом свежей луговой травы и прохладной росы, что моментально вымачивает любую обувь

и полы длинных одежд, а приход к летним всегда ознаменовывается полуденным зноем, который обволакивает все тело словно нагретым на печи одеялом.

А вот каким образом встретит меня король Самайна – оставалось только гадать. Он ни разу не повторился, постоянно изменяя правила перехода в свое время. Но на этот раз все оказалось довольно мирно – просто тропинка, нырнувшая в густой ледяной туман, вывела меня на огромное поле, замеченное первым снегом, колким, жестким, как перемолотый наст. Я и не знала, что снег, мягчайшей периной засыпавший Зимний лес во времени у Ильен, бывает таким острым – словно над поляной рассеялось мелкое крошево битого стекла...

– Габриэль?

Имя, произнесенное почти шепотом, разбило тишину, словно тяжелый кузнечный молот хрупкое зеркало, разбудило спящую где-то высоко в свинцово-серых небесах жгучую зимнюю метель, эхом прокатилось меж деревьев, и словно в ответ откуда-то из глубины спящего леса раздался протяжный волчий вой. Пошел снег – вначале мелкие снежинки падали медленно и величаво, стремительно таяли, стоило им лишь коснуться моего плаща или запрокинутого к небу лица, но потом снегопад усилился. Настолько, что мне показалось, будто бы я ошиблась временем и вместо Самайна угодила куда-нибудь дальше, в канун зимы, когда нет уже разницы между Сезонами, и одно время года плавно и незаметно переходит в другое. Такое случается во временах, в которых живет семейная пара, где супруги принадлежат разным Холмам – их дни сливаются, становясь чем-то средним, вот и получается потом неслыханная оттепель посреди зимы или же ночные заморозки перед самым Бельтайном, когда молодая листва оказывается покрытой тонким слоем инея.

«Ты все же приняла мое приглашение...»

Его шепот наполнил собою ночь, скользнул по моим губам порывом зимнего ветра, и это было похоже на нечто среднее между легчайшим поцелуем и глотком свежей воды из незамерзающей даже в лютый мороз горной реки, воды такой холодной, что зубы моментально пронизывает острая боль. Я вздрогнула, невольно подалась назад – и, оскользнувшись, неловко упала на колкий жесткий снег, рассыпав принесенные в дар яблоки и ссадив ладонь до крови.

Алые капли на белом снегу – как ягоды спелой рябины, как вызов бело-серо-черному Самайну, что устроил Габриэль к моему приходу. Я села, осторожно собирая рассыпанные яблоки, темными пятнами виднеющиеся на белом снегу, обратно в корзину. Не получается у меня прийти во время Самайна с достоинством и величием, как подобает гостю – вечно случится что-нибудь эдакое, по неловкости и неосмотрительности ставящее меня на одну доску со столь забавляющими Габриэля людьми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.